ОГОНЁК

№ 45 НОЯБРЬ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

С ПРАЗДНИКОМ
ВЕЛИКОГО
ОКТЯБРЯ!

ОГОНЁК
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 45 (2262)
Основан 1 апреля 1923 года
7 НОЯБРЯ 1970

**В НАШЕ ЗАВТРА ИДЕМ МЫ УВЕРЕННО.
СЛАВЬСЯ, РОДИНА! СЛАВЬСЯ, ОКТЯБРЬ!**

Фото А. БОЧИНИНА.

НЕРУШИМАЯ ДРУЖБА

По приглашению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и правительства СССР с 26 по 31 октября 1970 года в Советском Союзе находилась с официальным дружеским визитом партийно-правительственная делегация Монгольской Народной Республики во главе с Первым секретарем Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии, Председателем Совета Министров Монгольской Народной Республики товарищем Ю. Цеденбалом.

Партийно-правительственная делегация МНР имела встречу и дружескую беседу с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

В Кремле состоялись советско-монгольские переговоры. Они проходили в обстановке сердечности и полного взаимопонимания. В переговорах с советской стороны принимали участие член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянский, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев и другие.

С монгольской стороны — Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Совета Министров МНР Ю. Цеденбал, член Политбюро ЦК МНРП, первый заместитель Председателя Совета Министров МНР С. Лувсан, член Политбюро, секретарь ЦК МНРП Д. Моломжамц, член Политбюро, секретарь ЦК МНРП Н. Жагварал, член Политбюро ЦК МНРП, заместитель Председателя Совета Министров МНР Д. Майдар и другие.

Был подписан протокол, определяющий пути дальнейшего расширения и укрепления экономического сотрудничества между СССР и МНР.

Протокол подписали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Совета Министров МНР Ю. Цеденбал.

При подписании протокола присутствовали товарищи Л. И. Брежнев, А. Я. Пельше, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев и другие.

Визит в СССР партийно-правительственной делегации МНР, состоявшиеся переговоры и их итоги послужат дальнейшему укреплению и развитию братской дружбы и всестороннего сотрудничества между партиями, правительствами и народами Советского Союза и Монгольской Народной Республики.

На снимке: Москва, Кремль. 28 октября 1970 года. Подписание советско-монгольского протокола.

Фото А. Гостева.

Генрих БОРОВИК

МОЖЕТ ЛИ ВЕРНУТЬСЯ ЧЕМПИОН?..

Вы помните, конечно, газетные известия о том, что имя Кассиуса Клея перестало существовать. Тогда же возникло другое — Мохаммед Али. Неизвестному имени досталось в наследство все то триумфальное, что было связано с Кассиусом Клеем. Но безвестное имя известного боксера принесло с собой нечто более значительное, чем блистательные победы на ринге,— жизненные принципы, ради которых человек пожертвовал своим прошлым и даже — так могло и еще может случиться — своим спортивным будущим.

В наше сложное время, когда все в жизни так взаимосвязано, Мохаммед Али и в бытность свою Кассиусом Клеем никогда не оставался просто боксером, «частным лицом» на ринге. Расисты превращали спортсмена в символ «черной угрозы». Его противника — если он был белым — в символ «белой надежды». Люди, боровшиеся с расизмом, видели в нем символ своей победы. Даже если бы захотел Кассиус Клей, он не смог бы избавиться от некоего подтекста, который делал каждое его выступление перед любителями бокса чем-то более значительным, чем простая победа на деревянном помосте, окруженном канатами.

У преемника Клея — Мохаммеда Али бремя символа больше, выше и, если хотите, тяжелей. На ринге в Атланте после трехлетнего перерыва он защищал уже не только свое право бороться за возвращение отобранного у него спортивного титула, но в какой-то степени и жизненные, политические принципы человека, который пожертвовал многим, чтобы остаться верным своим убеждениям.

Клей и Али отличаются друг от друга не только именами. Вся жизнь первого была в боксе, на ринге. Спортивная борьба поглощала его целиком. Второй относится к ней иначе. «Бокс для меня не так важен теперь, как раньше,— сказал Али незадолго до матча в Атланте.— Куда важней для меня оказалось то, что я нашел среди молодежи в колледжах, которые посещал. По сравнению с тем, что происходит там, бокс мертв для меня. Но вечером в понедельник (речь шла о предстоявшем 26 октября матче в Атланте.— **Г. Б.**) я должен найти ответ на вопрос: может ли вернуться чемпион после такого долгого перерыва?..»

Может ли вернуться чемпион, ставший на три с половиной года старше, тяжелее, возможно, медлительнее, лишенный в течение

СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН-СОСЕДЕЙ

В истории сотрудничества стран-соседей — Советского Союза и Ирана произошло знаменательное событие: торжественно открыт совместно сооруженный Трансиранский магистральный газопровод. В торжествах приняли участие Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и шахиншах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви.

Ввод в действие газопровода протяжением более 1 200 километров даст ощутимые экономические выгоды обеим странам. Иран сможет значительно укрепить свою энергетическую базу, а Советский Союз станет ежегодно получать около десяти миллиардов кубометров природного газа. В оплату за газ наша страна поставит Ирану различные машины и оборудование.

Выступая на церемонии открытия газопровода, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный заявил: «Наши страны твердо намерены и дальше развивать дружбу и сотрудничество в интересах народов Советского Союза и Ирана».

На снимке: Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный открывает доступ газа на территорию СССР. Справа — шахиншах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви, в центре — Премьер-министр Ирана А. А. Ховейда.

Телефото ТАСС.

всего этого времени бойцовской формы (я имею в виду только ринг, потому что во всем другом жизнь только и делала, что воспитывала в нем умение стойко переносить удары и добиваться своей цели, даже когда некоторые готовы «бросить полотенце»)?

Последнее время он тренировался перед двумя зеркалами. В одном воображал своего ближайшего соперника Джерри Куорри, в другом видел будущего — Джо Фрейзера, нынешнего официального чемпиона мира. Ведя бой с тенью перед одним зеркалом, он повторял вслух: «Куорри, Куорри, Куорри...», оборачиваясь к другому, шептал: «Фрейзер, Фрейзер, Фрейзер...»

Сомнений в том, что он выиграет у Куорри, было немного. Маклеры подсчитали, что перед матчем соотношение пари было 3 : 1. Он не вышел из спортивной формы: не пил, не курил, бегал почти каждый день, не прекращал тренировок.

— Эй, мэн, он не может проиграть!— говорил перед началом матча таксист-негр в Атланте.— Как он может проиграть? Ты думаешь, все эти три года он пробивался сюда, чтобы проиграть?! Ты шутишь, мэн!..

Он действительно «не имел права» проигрывать в Атланте.

Продолжение — на стр. 30.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

МАЯК ЗЕМЛИ

Владимир НИКОЛАЕВ

«Октябрьская революция 1917 года и ее влияние на Швецию». Лекцию на эту тему я слушал в Стокгольме. Лектор, сам швед по национальности, говорил о том, какое большое влияние наша революция оказала и продолжает оказывать на его родную страну. Он вспомнил, например, о том, как шведский народ долго, упорно, хотя и безрезультатно, боролся за всеобщее избирательное право. Сразу вслед за Октябрьской революцией эта борьба развернулась с невиданной до того силой. Дрогнули основы существовавшего тогда строя, правительство было напугано. Да так, что вопреки своим консервативным традициям провело закон о всеобщем избирательном праве в невиданно короткие сроки. Тогда же шведские трудящиеся добились и восьмичасового рабочего дня.

Другая лекция, которую мне также удалось послушать в Швеции, называлась «От плуга до спутника». Многочисленную аудиторию явно интересовал вопрос, каким образом, почему с такой поистине космической скоростью прошла наша страна путь от плуга до космоса.

В крошечном американском городке Хай-Пойнте (штат Северная Каролина) за несколько дней моего пребывания там я выслушал сотни вопросов от сотен жителей, вопросов, говорящих об огромном интересе к нашей стране, и почти в каждом из них чувствовалось, как нечто само собой разумеющееся, уважение к Советскому Союзу. Да, это было не удивление, а именно должная дань уважения великим свершениям советского народа.

В какие бы далекие дали ни заводила меня судьба журналиста, всюду, на любом расстоянии от Родины я видел нашу страну перед собой во всем ее величии и могуществе. Потому что моя Родина — это страна Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую, самую знаменательную эпоху в истории человечества. И нет на всем земном шаре такого уголка, куда не докатилось бы орудийное эхо «Авроры» и где затем не сказалось бы неодолимое влияние Октября.

В Индии я увидел огромные контейнеры с надписью «Рязань — Бомбей». Оказалось, что в них станки, которые прибыли сюда с рязанского завода. Уже в одном этом словосочетании, в котором короткая черточка соединила два древних города, русский и индийский, много глубокого смысла. Конкретно он заключается и в том, что станки предназначены для завода тяжелого электрооборудования, построенного с помощью Советского Союза.

Совсем недавно, незадолго до безвременной кончины президента ОАР Гамаль Абдель Насера, мне довелось записать в свой блокнот слова, сказанные им в беседе с нами, группой журналистов-огоньковцев:

«Отношения между СССР и ОАР — образец отношений между великим государством и развивающейся страной. За все это народ ОАР питает к Советскому Союзу самые братские чувства дружбы и любви... Успехи СССР — это огромный вклад в дело строительства новой жизни в развивающихся странах».

Эти успехи, о которых говорил Насер, начались со штурма Зимнего. И с каждым днем возрастает огромный вклад Октября в развитие современной цивилизации. С каждым днем возрастает роль Советской страны в защите мира на нашей планете, в борьбе за безопасность народов, за справедливое общественное устройство. В 1917 году мы раз и навсегда провозгласили политику мира и дружбы между народами. И наша страна, выполняя свой интернациональный долг и защищая мир на Земле, спешит на помощь туда, где попрана справедливость, где агрессор угрожает безопасности и независимости народа. Потому и питают люди братские чувства к родине Октября и в Египте, и во Вьетнаме, и во многих других странах.

На родину революции рабочих и крестьян с надеждой смотрят труженики всей Земли. В ГДР, на гигантской верфи в Ростоке, мастер кабельного крана Эрих Штарк сказал мне: «Дружба с Советским Союзом — это для нас прежде всего уверенность, уверенность в прочности мира, в прогрессе нашей республики, в завтрашнем дне». В Болгарии, на встрече бывших партизан, я понял, сколько было глубокого смысла в словах одного из них: «Нас с Советским Союзом 250 миллионов».

Да, под знамена Октября встают все новые и новые миллионы. В 1917 году мы были единственной страной, начавшей строить социализм. Ныне создано могучее социалистическое содружество.

Мы празднуем 53-ю годовщину Октября в знаменательный ленинский год, когда все человечество торжественно отмечает 100-летие со дня рождения вождя Октябрьской революции. И повсюду разливается свет зажженных им кремлевских звезд, свет Советского Союза — маяка Земли.

«БРАТСКИЙ ПРИВЕТ РАБОЧЕМУ КЛАССУ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН, САМООТВЕРЖЕННО БОРЮЩЕМУСЯ ПРОТИВ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА, ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВА ТРУДЯЩИХСЯ, ЗА ТОРЖЕСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ!»

Из Призывов ЦК КПСС к 53-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

ИМЯ ТВОЕ — АТАКУЮЩИЙ КЛАСС!

Н. КРЫЛОВА, Н. ЦВЕТКОВА

Фото ТАСС, АПН, ЮПИ, журналов «Ви увриер», «Шпигель».

Перед тобой, читатель, страницы фотолетописи года семидесятого. Года Ленина.

Мысленно оглянись назад, и ты припомнишь, что в году семидесятом редкий день с телетайпов мира не сходили известия о новых и новых классовых битвах в странах капитала.

И мы решили собрать вместе минувшие страницы борьбы и перелистать их вновь именно сегодня, в наш самый большой и светлый праздник. Потому что день рождения новой жизни в нашей стране стал днем рождения НОВОГО МИРА. Потому что ленинизм стал интернациональным, победоносным оружием тех, кто ведет атаки на твердыни капитала.

Буржуазные экономисты, социологи и футурологи всячески изворачиваются, когда им приходится объяснять размах и характер классовых сражений наших дней. Ведь сегодня фронт этих сражений протянулся по всем континентам. Сегодня в атаку идут не тысячи и не десятки тысяч, а миллионы. Сегодня элементарные и, казалось бы, традиционные требования забастовщиков о повышении заработной платы отражают уже совсем иной комплекс стремлений и общественных представлений, чем прежде. Борьба против бедности и нищеты? Нет, не только! Сегодня рабочий класс ведет борьбу за изменение своего положения в обществе. «Человечество вступило в последнюю треть нашего столетия в обстановке обострения исторического противоборства сил прогресса и реакции, социализма и империализма,— говорится в Основном документе, принятом международным Совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве.— Ареной этого противоборства является весь мир, все основные области общественной жизни — экономика, политика, идеология, культура».

Идет год семидесятый. Год Ленина. И мир — свидетель того, как острые классовые битвы сотрясают страны — цитадели капитализма. Лопнул миф о том, что современный капитализм нашел универсальную отмычку для решения всех экономических и социальных проблем и что экономические достижения ведущих стран капитала гарантируют затухание «социальных конфликтов».

«Нет и не может быть классового мира у человека труда с теми, кто наживается на войне и эксплуатации!» — отвечают миллионы участников забастовок и «маршей мира». «Бастуем!», «Бастуем!», «Бастуем!» — ураганом разносится по странам боевой клич пролетариата. И его подхватывают представители самых различных социальных слоев и профессий.

Тщетно старались правящие круги сбить пламя борьбы. Тщетны были их попытки уговорить, припугнуть, сломить волю тех, кто защищает свои права. На бастующих шли отряды полиции и жандармерии, специальные отряды безопасности и воинские части. В спешке издавались законодательные акты, чтобы придать репрессиям вид «законности». Не помогало!

Сегодня забастовка — оружие не только рабочего класса. Бастуют крестьяне, преподаватели и студенты. Бастуют врачи и домохозяйки, журналисты и шахтеры, бастуют инженеры и техники, те самые пресловутые «белые воротнички», былая аполитичность которых тщательно поддерживалась сильными мира сего.

И рабочий, «атакующий класс» каждый день своими действиями дает весомое доказательство, что именно он, коммунистические и рабочие партии остаются главной, ведущей силой классовых схваток с капиталом, что именно под их руководством защищают свои права все, кто вступил на путь борьбы. Сегодня действует тот самый «пролетарский метод агитации, встряхивания, сплочения и вовлечения в борьбу масс», которому обучал международное рабочее движение Владимир Ильич Ленин.

Идет год Ленина. И год этот стал подлинным смотром боевых сил международного пролетариата. Призыв участников международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве достойно встретить столетие со дня рождения великого вождя воплотился в массовые и политически острые битвы рабочего класса.

Мощная волна стачек, забастовки солидарности, демонстрации против неофашизма и расизма, волна антивоенных выступлений — вот они, страницы летописи ленинского года. Империализм бессилен повернуть вспять развитие современного мира. Магистральный путь человечества был предопределен в незабываемом тысяча девятьсот семнадцатом!

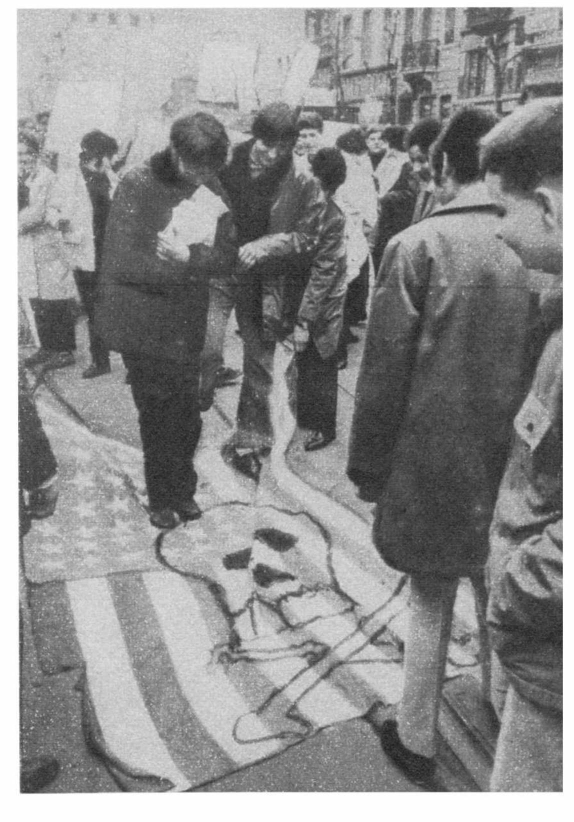
Гневное море разлилось по улицам «вечного города». В рядах демонстрантов идут люди труда.

«Я работаю,
Ты работаешь —
Он нас эксплуатирует!
Мы боремся,
Вы боретесь,—
Они должны будут отступить!» —

написано на плакате. Грандиозные выступления, в которых приняли участие миллионы, не кончились «жаркой осенью» прошлого года. Стачечное движение в Италии достигло невиданного за последние двадцать лет в стране размаха и ознаменовалось укреплением единства трудящихся.

В безмолвии застыли английские доки. А руки докеров подняты над головами: «Мы голосуем за забастовку!»

Да, такого еще не помнит «владычица морей». Ведь это первая в истории страны общенациональная забастовка докеров. В ней участвовали 47 тысяч человек. Две недели молчали английские доки, и могучие волны классовой солидарности прокатились от берегов Англии, где требования портовиков поддержал Британский конгресс тред-юнионов, в котором представлены все крупные профсоюзы страны, до портов Скандинавии, Голландии, Западной Германии, Франции, Бельгии. Докеры отказывались разгружать «черные» грузы — грузы с судов, не принятых в бастующих портах.

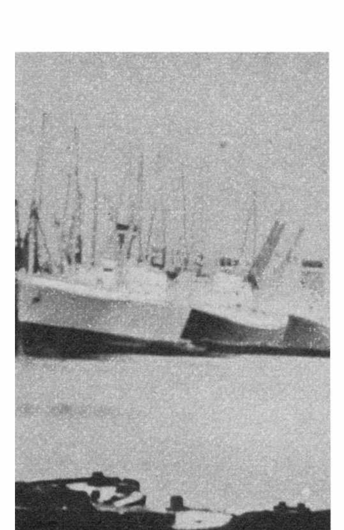


▲

День рождения Советского государства ознаменовал выход на мировую арену такой мощной политической силы, как народные массы. И знамя этой силы — солидарность.

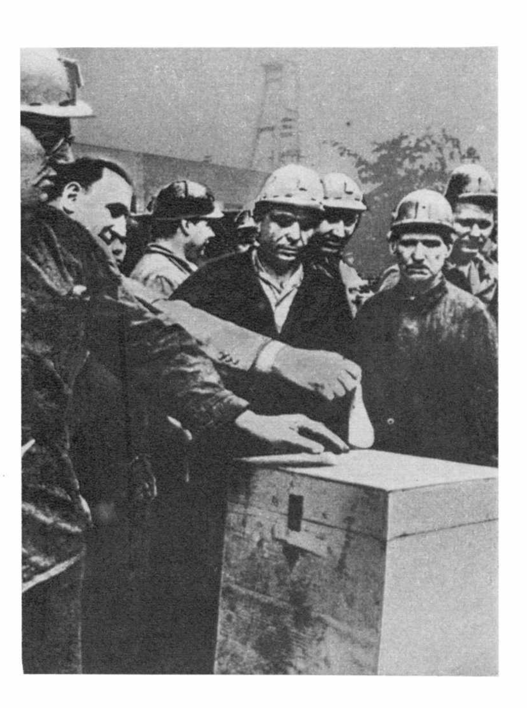
«Мы солидарны с бастующими испанскими рабочими строительной фирмы «Мюрер»,— было написано на транспаранте участников первой в Женеве стачки рабочих-эмигрантов, которая состоялась в апреле этого года. А в следующем месяце по улицам Франкфурта-на-Майне прошла демонстрация женщин. Они требовали освободить греческих патриоток, томящихся в концентрационном лагере на острове Крит.

В те же майские дни по улицам Брюсселя юноши и девушки несли плакаты: «Янки, убирайтесь из Вьетнама!», «НФО победит!». А на мостовой остался лежать растоптанный американский флаг, запятнанный кровью Сонгми.



...Многие страницы борьбы семидесятого года написаны молодыми. В атаку идет юность. Она организованно требовала на улицах Осло улучшения условий своего труда. Она стояла в пикетах в центре британской столицы с плакатами: «Продажа оружия Форстеру — соучастие в убийстве», «Поддержку африканским борцам за свободу». Она сражалась с полицейскими на улицах западногерманского города Ганновера.

Дети вышли на улицы с плакатами, требующими крыши над головой для их семей. Это было совсем недавно в Федеративной Республике Германии.



«В результате врачебных обследований тридцати тысяч рабочих выяснилось, что лишь третья часть из них здорова. Почти 68 процентов нуждаются в больничном лечении. Это данные по земле Баден—Вюртемберг. Эксперты полагают, что они характерны для всей ФРГ» («Вельт дер арбайт»). Вот почему шахтеры Эссена проголосовали за стачку.

Счастливцами могут считать себя те, кому досталась хотя бы половина больничной койки. Например, в Эквадоре на каждые 10 тысяч жителей приходится меньше четырех врачей.

Прорвалась плотина народного гнева в Латинской Америке. И острие борьбы направлено прежде всего на защиту национальных интересов.

Три недели бастовали горняки Перу против американской компании «Серро де Паско». Им вместе с семьями потребовалось четыре дня, чтобы добраться до Лимы. В общей сложности в этой демонстрации участвовали 15 тысяч горняков.

▼ ►

▲ Идет митинг на заводе в Токио. Нет, не имеет шансов на успех попытка поднять на щит «японскую модель» капитализма.

Занимая в капиталистическом мире второе место по валовому выпуску продукции, Япония по размерам национального дохода на душу населения находится на одном из последних мест по затратам на социальные нужды трудящихся. И в нынешнем «весеннем наступлении» японских профсоюзов участвовала 15-миллионная армия рабочих.

С. Ивадарэ — один из тех, кто руководит их борьбой,— заведует отделом массовых движений Генерального совета профсоюзов Японии.

◄ Язык стачек — плакаты и транспаранты. У членов стачечного комитета одного из заводов американской компании «Дженерал электрик» горячая пора. «Все на забастовку!» — призывают плакаты. На этот призыв откликнулись 150 тысяч рабочих. Они бастовали 102 дня.

Нет классового мира под сенью статуи Свободы. Едва закончилась забастовка на «Дженерал электрик», забастовали служащие авиакомпании «Нэшнл эйрлайнз», затем 80 тысяч шоферов грузовиков. Бастовали почтальоны. 15 сентября остановились конвейеры на более чем 150 заводах крупнейшей в мире автомобильной компании «Дженерал моторс». В разных городах страны бастуют строители и учителя, электрики и могильщики, шахтеры и уборщики мусора, печатники и лифтеры. Не исчезла угроза общенациональной забастовки железнодорожников.

ИЗ ХРОНИКИ 1970 ГОДА

«Вопрос. Каково ваше мнение о волнениях молодежи и корнях ее мятежного духа?

Ответ. ...молодежи свойствен глубокий патриотизм, а она видит Эквадор в условиях нищеты и подчинения. Молодежь восстает против подобного положения дел. Во многих случаях она делает это, преодолевая узкие классовые интересы, которые ей присущи в силу ее социального происхождения. Молодые люди, выходцы из различных сословий, идут по пути пролетаризации, как материальной, так и идеологической,— осознают цели и задачи рабочего класса».

Из интервью Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Эквадора Педро Саада газете «Универсаль».

●

«Люди, как и машины, эксплуатируются до предела. С тебя градом льется пот, но конвейер движется 8 часов, лишь с 30-минутным перерывом (неоплачиваемым) на обед. А в это время мы узнаем — фирма «Форд» побила все рекорды по выпуску продукции и прибылям».

Из интервью цехового делегата корреспонденту журнала «Ви увриер».

●

«Происходит крайняя концентрация богатства в руках все меньшего числа людей. На другом полюсе происходит рост нищеты. Безработица в мае превысила 600 000 человек — наивысшая цифра для этого месяца за тридцать лет. Десятая часть населения все больше нищает. Еще одна пятая не получает никаких выгод от роста национального богатства».

Из предвыборного Манифеста Коммунистической партии Великобритании.

●

«В борьбе против крупного капитала плечом к плечу стоят рабочие — бельгийцы, турки, греки, итальянцы, испанцы, марокканцы. Мы убеждены, что можем выиграть эту забастовку... Да здравствует интернациональная солидарность рабочих в борьбе против международного капитализма».

Из воззвания стачечного комитета шахтеров Лимбурга.

●

«Каждый десятый испанец вынужден эмигрировать, чтобы найти средства для существования».

Швейцарская газета «Трибюн де Женев».

УТВЕРЖДЕНИЕ ТАНЦЕМ...

С. РАДОВ

Танец издревле служил раскрытию лучших сторон человеческой натуры. В танце находили выход творческая энергия и фантазия, наиболее полно выражались в нем и красота человеческого тела и эстетическое чувство. Танец был и средством общения между людьми и в то же время высшим эмоциональным проявлением человеческой сущности. Ритм и мелодия чудесным образом превращали прозу жестов, телодвижений и поз человека в поэзию танца.

Передаваясь из поколения в поколение, танец позволял людям творчески осмыслить, опоэтизировать свою жизнь, взаимоотношения, труд... Традиционные танцы развивались и совершенствовались: в них выкристаллизовывалась подмеченная народом красота, отражалось своеобразие жизни каждого народа.

Щедро обогатив выразительные средства балетного театра, народный танец сам превратился в особый вид хореографического искусства. Успех блистательных выступлений ансамблей И. А. Моисеева, «Березки», хореографической группы хора имени Пятницкого — результат огромной работы по собиранию танцевального фольклора и глубоко творческой переработки его в новые, прекрасные, сценически выразительные произведения...

Алмаз, ограненный и отшлифованный рукою мастера, вставленный в соответствующую оправу, раскрывает всю свою красоту. Вот такой же тщательной, филигранной обработки требует танцевальный фольклор! Надо найти своеобразный бытующий в народе и созданный народом танец. Надо дать ему новую, сценически выразительную композицию. Надо, наконец, обогатить его профессиональным мастерством исполнения. И только тогда он предстанет перед нами как подлинный шедевр народного искусства.

Ценнейшая работа по собиранию танцевального фольклора и созданию народно-сценических танцев на его основе проделана народными артистами СССР И. А. Моисеевым, Т. А. Устиновой, Н. С. Надеждиной, многими замечательными балетмейстерами наших республик — такими, как П. Вирский, И. Сухишвили, Н. Рамишвили, Т. Израилов, В. Курбет...

Еще более интересно то, что в одном ряду с мастерами-профессионалами ведут такую же работу руководители хореографической самодеятельности и ее участники. Среди сотен тысяч самодеятельных коллективов на нашей земле немало таких, которые уже не ограничиваются исполнением известных сценических танцев, но занимаются также сбором танцевального фольклора, созданием новых танцев на его основе. Тщательно и любовно восстанавливают они традиционные национальные костюмы. Древние народные игры обретают в их исполнении новую жизнь в виде яркого сценического действия.

Старинные танцы «Ленок», «Коноплярочка», «Пахта» (хлопок) звучат сегодня по-новому, раскрывая радость свободного труда, присущую советским людям.

Молодежь, составляющая абсолютное большинство среди участников хореографической самодеятельности, увлекается глубокой поэтичностью народных танцев. Отсюда любовь к природе, восхищение красотой Родины, которые живут в русских хороводах, украинской «Метелице», белорусской «Завейнице», искрометной «Молдовеняске»... Высокие и чистые человеческие чувства утверждаются в лирических народных танцах, где красота человека, пожалуй, полнее всего находит свое выражение, подчеркивая грациозность, изящество, мягкость и нежность женщины; силу, ловкость, энергию и решительность мужчины...

Мы, зрители, воспринимаем танец чисто эмоционально, не расшифровывая образный смысл отдельных его элементов. Но иной раз бывает любопытно узнать, что, например, такое движение, как «голубец», используемое во многих танцах (подскок с прищелкиванием каблуками в воздухе), берет свое начало в «голубиной пляске», символизируя хлопок крыльями голубя. А типично славянский хоровод движется по кругу—«посолонь», символизируя движение солнца и круговорот времен года... И пусть смысл древней символики постепенно утрачивается,— красота, изящество, эмоциональная выразительность движений старинного танца живут и сегодня, сохраняя для нас всю свою эстетическую ценность.

Собирать по крупицам эту красоту — высокая и благородная задача. И, повторяю, замечательно то, что в решение этой задачи у нас вовлечена масса участников самодеятельности: их поиски обращены, конечно, не только к старине,— они создают на народной основе новые танцы, новые эстетические ценности.

Успехи советской хореографической самодеятельности были блестяще продемонстрированы на Втором всесоюзном фестивале самодеятельных ансамблей народного танца в Кишиневе, показав неистощимое многообразие танцев разных народов.

Яркие жизнерадостные пляски Украины сменялись степенным старинным польским танцем. Медленные русские хороводы чередовались с бурным, как вольный степной ветер, монгольским танцем всадников. Друзья из Германской Демократической Республики неизменно вызывали дружные аплодисменты, показывая комедийную хореографическую сценку «Танец виноделов». Хакасский народный ансамбль песни и танца «Жарки» привез из Абакана и такой своеобразный танец, как сцена единоборства юноши с медведем, и воинственный танец охотников, и лирический мягкий танец девушек, собирающих кедровые шишки в тайге... Ансамбль народного искусства «Бржеславан» показал этнографически точную картину старинной чешской свадьбы, а ансамбль имени Бранко Крсмановича Белградского университета удивил высоким мастерством разнообразных хореографических композиций, построенных на основе народных танцев Югославии...

Помимо множества своеобразных форм танца — национальных и местных,— фестиваль показал еще и жанровое богатство хореографии. Здесь можно было видеть старинные трудовые и свадебные танцы, восстановленные в их фольклорной самобытности; и вольные композиции — как бы маленькие балеты, созданные на основе элементов народного танца.

Темпераментны и эффектны грузинские танцы,— не устаешь любоваться силой и ловкостью танцоров. Но ансамбль Кутаисского городского Дома культуры не ограничился демонстрацией мастерства в исполнении традиционных танцев. Он показал сюжетную хореографическую картинку, в которой ссора из-за девушки вдруг перерастает в «кровопролитную» схватку,— искры так и летят от ударов мечей... Но вот властно, уверенно проплывает между сражающимися прекрасная женщина; медленно падает брошенный ею белый платок, прекращая вражду...

Необычайно велики творческие возможности хореографии, построенной на элементах народного танца! И самодеятельные коллективы доказали, что они способны вносить свой — и очень существенный — вклад в развитие советского хореографического искусства. Так реализуется мудрое положение, предусмотренное Программой нашей партии, где сказано, что «развитие и обогащение художественной сокровищницы общества достигается на основе сочетания массовой художественной самодеятельности и профессионального искусства».

Да, художественная самодеятельность все чаще становится в один ряд с профессиональным искусством, дополняя его. И в этом нет ничего зазорного для деятелей профессионального искусства. Творчество народа всегда было живительной средой и надежной опорой для крупнейших писателей, композиторов, артистов.

Сегодня, когда в маленьком сельском клубе или в огромном Дворце культуры собираются любители на свою очередную репетицию,— они приходят сюда, влекомые искренней, бескорыстной любовью к искусству. Тракторист и врач, молодой рабочий и доктор наук, доярка и учительница — все они, переступая порог репетиционной комнаты, знают, что здесь их ждет не одна только радость творчества, но подчас тяжелый, добровольно взятый на себя труд.

НА НАШИХ ВКЛАДКАХ—ТАНЦЫ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Российская Федерация.

Фото Л. БОРОДУЛИНА и З. ГОЛУБЧИНА.

Молдавия.

Армения.

Туркмения.

Белоруссия

Дм. КОВАЛЕВ

Утренняя заря

Медлительна
и радужно жирна
Невы сиреневая ширина.
В шершавинках
вся движется, шурша.
С зарею — до озноба хороша!
С ней, с утренней,
и жизнь во всем права...
Так плынь полна.
Так стелет острова.
И так высок над ней,
несущей лед,
шпиль позолоченный,
пронзивший свод.
А вдалеке,
у стенки, на посту —
живая плоть ее,
ее душа:
корабль заветный,
шириной дыша,
краса старинных
высоченных труб,
и вымпел пламенный —
как свет в глаза,
и облако над ней —
как дыма клуб...
Врагам — суровей,
чем ракет гроза.
И чуть колышется,
и юн и сед,
Невы
той грозовой
осенний свет.
Блеск ленинского взгляда,
скрытый свет
ночей блокадных —
потому и сед.
И потому, как луч в снегах,
игла.
Пригрел богинь,
сам зябнет Летний сад.
Канал остекленелый полосат.
На зернь гранитов
изморозь легла...
И вот
восход.
И день.
И тень оград.
И стежки, потемневшие в тени.
Рабочий Питер.
Новый Ленинград.
Но в нем не гаснут
памяти огни.

Борис ОЛЕЙНИК

На общем поле

Отцы и дети! Дети и отцы! —
Извечный круг разъять не в нашей воле.
Житейское мы засеваем поле:
Мы сеятели вместе и жнецы.

Меж нами пропасть ищут мудрецы?
Но кровь отцов бурлит и в нашей доле!
Отцы и дети... Дети и отцы...
Нам нечего делить на общем поле.

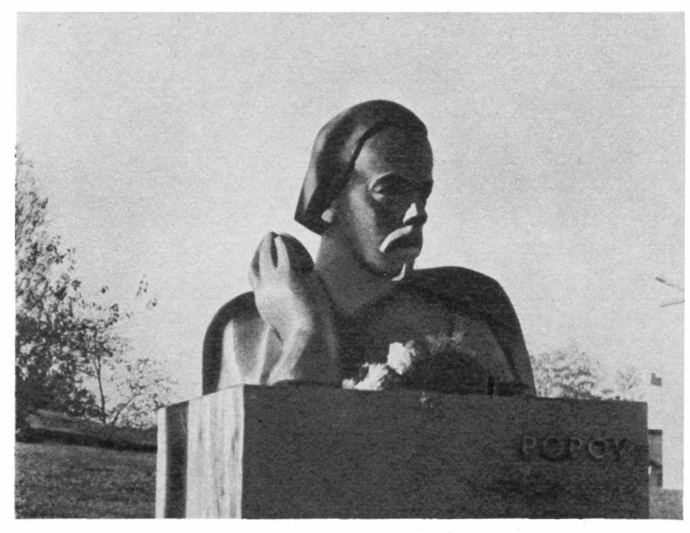
И строй традиционных тополей,
Чем славится извечно Украина,
Воспетые и верба и калина —
Все — от отцов. И все — для сыновей.

Едино все, как мать у нас одна.
Как первый звук — так и прощанья слово.
Как сабля непомеркшая Сиркова
И Лысенкова звучная струна.

Лишь мысль смутит вас тучкой среди дня:
А сбережем ли ваше мы наследье?
Но — верьте! —
Краснодонский шурф меня
Учил идти, как должно, в путь последний.

И я по горло — в ледяной Сиваш,
И я ступлю за бруствер твердым шагом,
Когда комбат пойдет в огонь со стягом,
Что так же — мой,
Как и по праву — ваш!
Все наше — от дождинки и цветка
До мук Тараса, что не сдался мукам,—
Передаю сынам своим и внукам
Не на день проходящий —
на века!

Перевел с украинского
Олег ЗВЕРЕВ.



Памятник изобретателю радио А. С. Попову в финском городе Котка.

КОТКА — ИЗОБРЕТАТЕЛЮ РАДИО

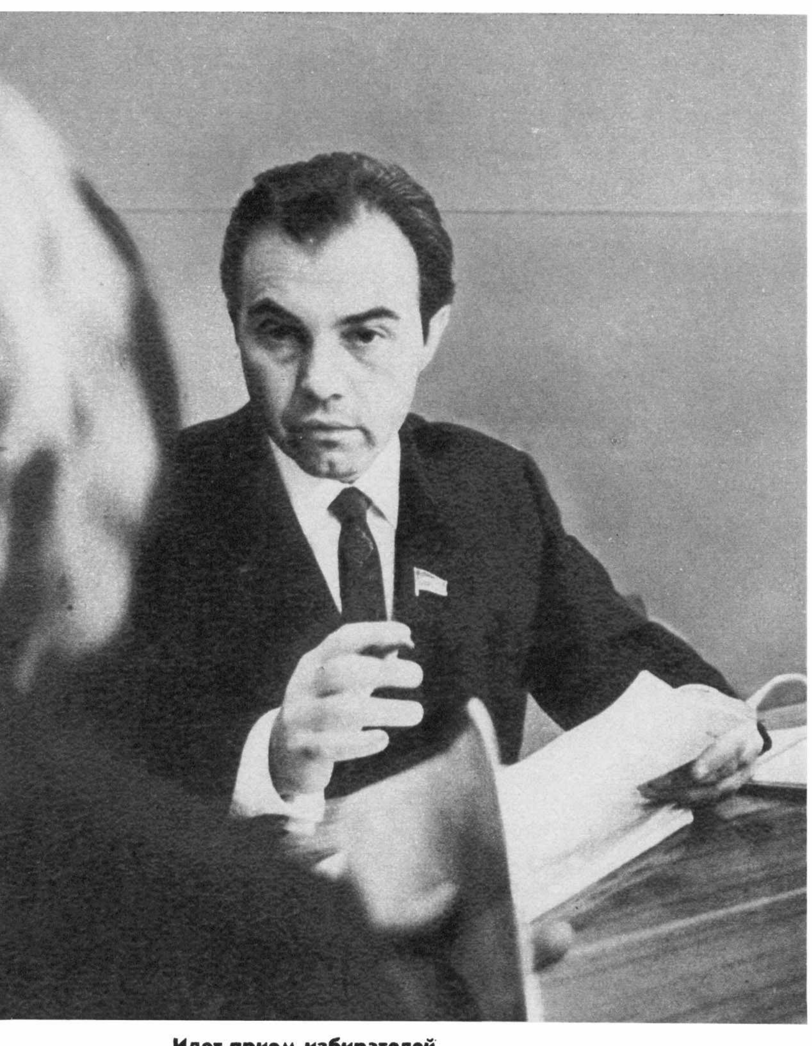
На самой вершине острова Кутсало, там, где в 1900 году стояла мачта радиопередатчика А. С. Попова, сейчас установлена мемориальная доска. «Отсюда русский физик А. С. Попов,— написано на ней по-фински и по-русски,— направил 5. II. 1900 года первую телеграмму по беспроволочному телеграфу на остров Гогланд (Суурсаари)».

— Доска укреплена прямо на скале, недалеко от небольшой выбоины, оставшейся от основания мачты,— рассказывает вернувшийся из поездки в Финляндию заместитель министра связи СССР Василий Николаевич Лебедев.— Отсюда, в частности, была отправлена знаменитая ныне радиограмма, которой ледоколу «Ерман» предписывалось срочно идти на поиски льдины, унесшей в опасное зимнее море рыбаков... С тех пор на счету радио немало и других добрых дел. Они связаны с именем нашего соотечественника А. С. Попова, все они свое географическое, если так можно сказать, начало берут из мест, в которые нас пригласили на открытие первого за рубежом памятника изобретателю радио.

Памятник этот выполнен советским скульптором Д. Рябичевым. Гранитный бюст А. С. Попова установлен на зеленом склоне. Открытие памятника стало событием в городе Котка. Многие финские газеты опубликовали фотографии небольшого монумента и отчеты о его открытии. На торжествах выступили министр торговли Финляндии А. Бернер, председатель муниципалитета города Котка Р. Эло. Первый букет цветов, опоясанный лентой с надписью, положил к памятнику председатель муниципалитета города Котка.

Мы посетили также дом капитана Аутсо, в котором бывал Попов,— он ночевал здесь, отдыхал. До последнего времени хозяева дома берегли подарок Попова — самовар с гравировкой на нем: «Радушным хозяевам на память...». Лишь недавно самовар передан в городской музей Котки, в отдел, посвященный Попову и его работе. Конечно, были мы и в этом музее.

К. КОСТИН



Идет прием избирателей.

Л. И. БРЕЖНЕВ:

«...Советские рабочие в наши дни — это, как правило, люди, имеющие хорошую общеобразовательную и профессиональную подготовку, овладевшие современной техникой, с высокой сознательностью и ответственностью выполняющие свой патриотический долг».

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото А. БОЧИНИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька».

Федор Иванович Богданов — старший оператор Липецкого стана «2000», самого совершенного из всех, какие только есть в нашей стране. Просторный, пронизанный солнечными лучами корпус опровергает сложившиеся представления о черной металлургии — хочется назвать ее здесь белой,— так светел и аккуратно празднично весь цех от рольгангов до переплетения перекрытий. Дразняще-щеголеваты зеленые с красными торцами валов черновые клети стана. Ими и командует Богданов. Справа, штурманской рубкой, приподнятой над палубой «океанского корабля», возвышается его стеклянно-белый операторский пост. Штурмана напоминает и он сам — весь сосредоточенность, весь внимание: от его умения и искусства зависит, как, каким «курсом» пойдут по стану слябы. Искусством «вождения» Богданов владеет в совершенстве, потому что он не только прокатчик с большим стажем. Он еще и специалист по машинам подобного типа: минувшим летом, оканчивая техникум, Федор Иванович с отличием защитил дипломный проект на тему: «Стан «2000» горячего проката».

Можно было бы многое рассказать о высоком профессиональном и творческом мастерстве этого рабочего, который к тому же и рационализатор: это он автор усовершенствования отдельных узлов нового стана. Однако это означало бы раскрыть его одаренную натуру менее чем наполовину. Федор Иванович второй раз избирается депутатом Верховного Совета СССР. Сам по себе этот факт говорит уже о многом: значит, признал, оценил и полюбил своего избранника народ.

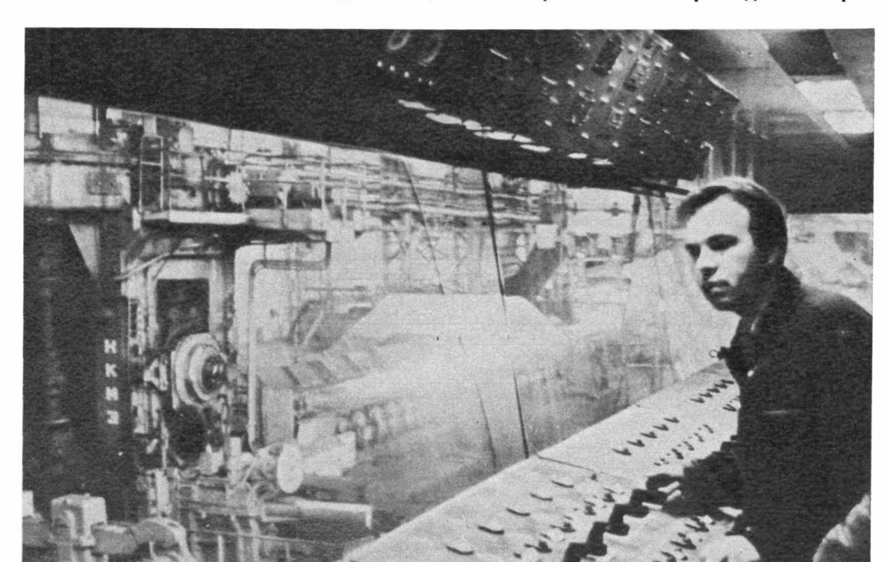
Собираясь в Липецк, я позвонила Богданову по телефону.

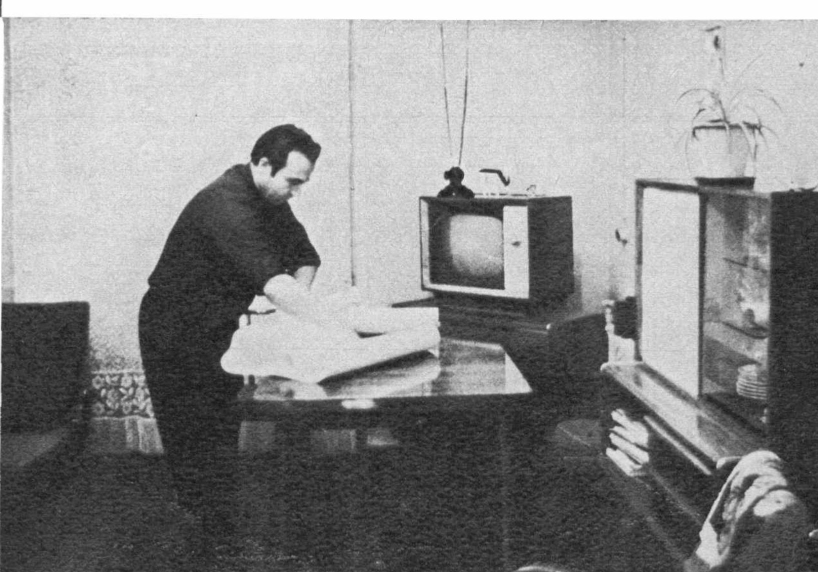
— Во вторник я на заводе не буду,— предупредил он.— У меня депутатский прием.

Ровно в десять часов утра начался этот прием. К старинному особнячку на крутом взгорье правого берега, где находится райисполком, шли и шли со всех сторон люди. С проблемами, требующими депутатского вмешательства, с вопросами, в которые кто-то где-то поленился вникнуть, а то и просто со своими житей-

Недавно Федору Ивановичу исполнилось 39 лет.

Будет лист для магистральных газопроводов Севера.




В творческом поиске.

Этот спиннинг подарен друзьями из ГДР.

скими нуждами и бедами. И каждый ждал от него совета, поддержки, содействия.

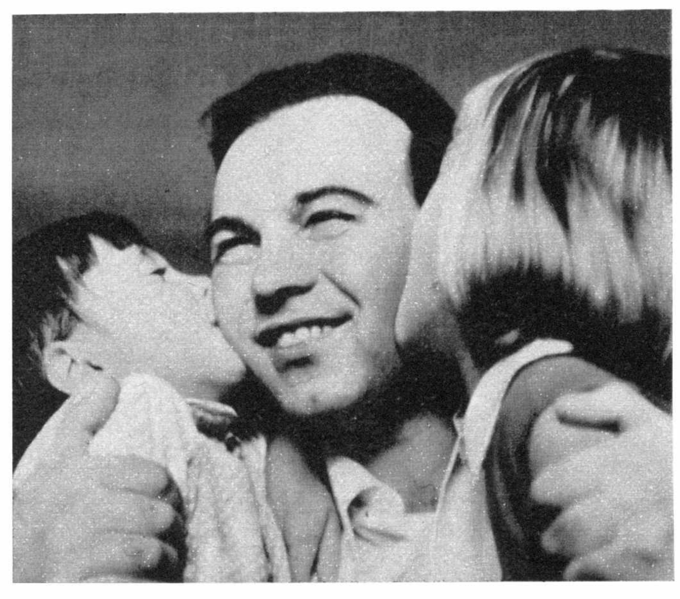
Вот и сейчас сидит перед ним расстроенная до слез женщина в черном берете. Попала под сокращение управленческого аппарата. Начальник треста предложил ей место экономиста на автобазе, а когда она обратилась туда, то выяснилось, что вакансии нет. В другом месте поработала месяц, но тот человек, которого, предполагалось, она заменит, передумал уходить. В. подала в суд на трест, в котором она работала. Считает, что с ней обошлись несправедливо.

Почти двадцать минут идет беседа. Как тут быть? Он, Богданов, не знаток юриспруденции. Депутат снимает телефонную трубку и звонит в юридическую консультацию. Очень быстро приходит сам заведующий. Прочитав документы, находит в них разночтения, считает, что можно возбудить пересмотр дела и что имеет смысл депутату обратиться от своего имени к прокурору области.

— А может, я сначала сам переговорю с ним,— решает Богданов.—Завтра же!

Я слушала, наблюдала Федора Ивановича и

Любимицы.



Мамино увлечение.

не могла не заметить доброжелательности, терпения, желания разобраться во всем. Удивилась его интуиции, подсказывающей ему решения. Случается ведь, что человек не все как есть говорит о себе, что-то скрывает. И как важно почувствовать эту недосказанность и то, что за нею может стоять. Особенно в личных делах. Перед ним вереница судеб человеческих, и каждая встреча как бы входит в жизнь самого Богданова, оставляет в ней свой след. Разве он забудет когда-нибудь человека, ставшего инвалидом на войне? Перед ним совесть Богданова чиста: это он помог Федору Михайловичу Рысину вне очереди получить более просторную квартиру, потом еще Рысин приходил, приглашал на новоселье. И учительница по математике тоже приглашала. Многие из его избирателей.

...Четвертый час. Прием окончен. Вечером Богданов будет отвечать на письма, которые приходят на его имя: то на завод, то в исполкомы, то домой, приходят иногда из мест вовсе не ограниченных радиусом избирательного округа. Поступило как-то письмо из Осташкова, Калининской области, просил помочь начальник «Вторчермета». Оказывается, заслали осташковцы по ошибке металлолом особого состава не по адресу — липецким электропечам и конвертерам такой и не нужен. А «сбытовики» сами с ним ничего не делают (а вдруг понадобится) и денег не переводят. Пришлось депутату вмешаться. Разглядел он в этой истории узковедомственный подход и настоял, чтобы лом отправили по месту назначения — в Ленинград, на Кировский завод.

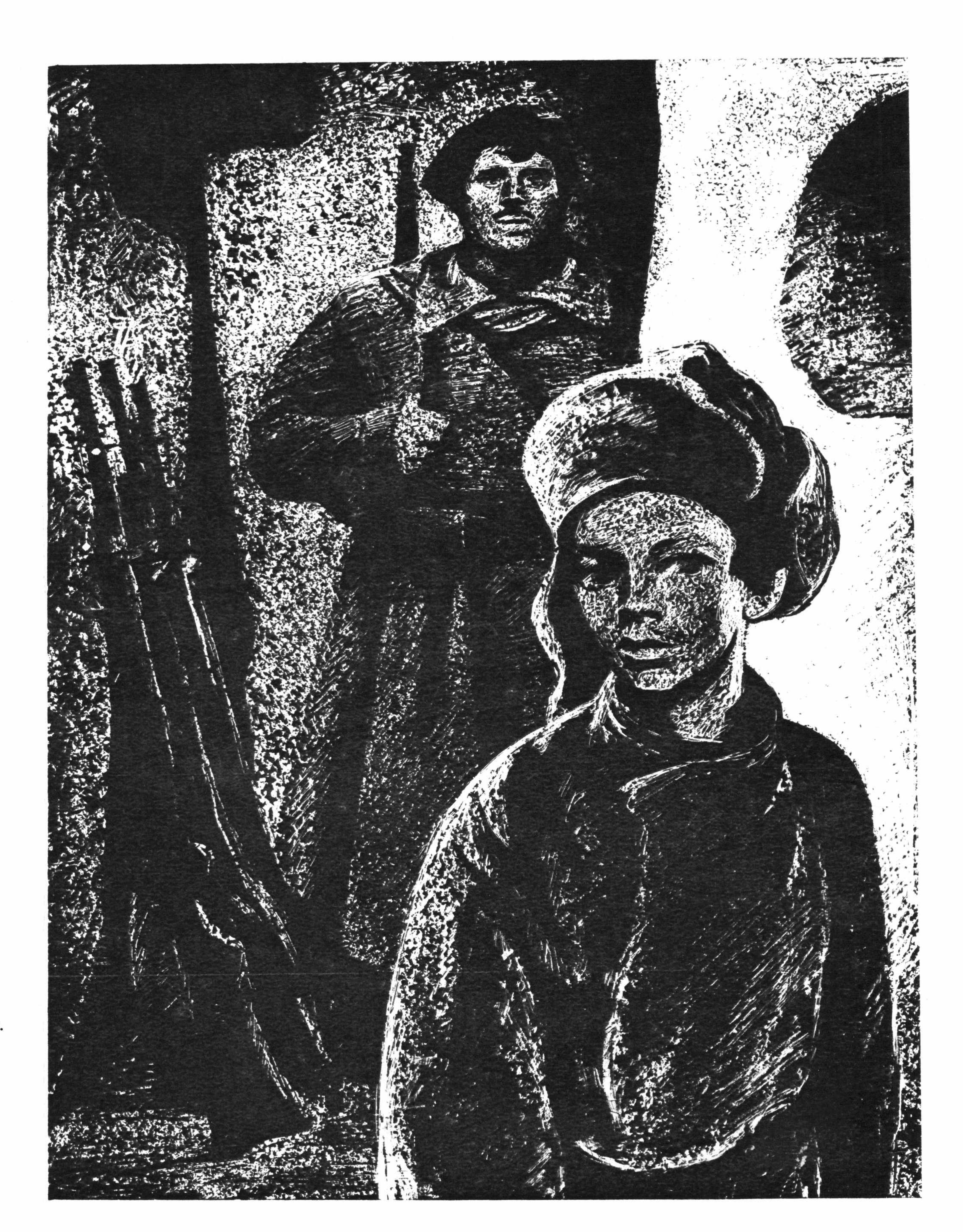
А сегодня Богданову, кроме ответов на персональные письма, пришедшие за неделю, надо составить запросы в несколько организаций и, в частности, в комиссию законодательных предположений Совета Союза. И еще одно письмо подготовить в городское управление архитектуры по поводу строительства нового корпуса профтехучилища № 3. Словом, работы хватит до ночи! И сегодня будет ему не до дочек, которых он очень любит. Семьянин Федор Иванович, кстати, заботливейший.

Конечно, не одним этим днем или двумя приемными днями в месяц исчерпываются депутатские обязанности Федора Ивановича Богданова. Они в эти два дня, можно сказать, только начинаются. Будет он кому-то звонить, о ком-то беспокоиться до смены у стана и после смены и ходить в различные организации. Сколько было хлопот со школой в деревне Сенцово! Ведь как получалось? От нее никто не отказывался, все соглашались: «Да, дескать, пора Сенцову иметь свою настоящую школу. Нельзя Сенцову больше жить с четырехлеткой». Но тут же открещивались: «Она ведь в плане не стоит, фондов на нее нет...» И все же школа строится! Второй этаж выведен под крышу. И в этом большая заслуга его, Богданова. И в том, что к новому стану трамваи стали ходить регулярно, тоже чувствуется богдановская забота. До всего есть ему дело, потому что он рабочий, хозяин своей страны, государственный человек.

На следующий день я встретилась с Федором Ивановичем в цехе, в его «штурманской рубке». Я уже знала, что он не любит, когда его отвлекают от пульта, и тихонько стояла сбоку. Но он, улучив минутку, неожиданно прервал молчание сам:

— Разговаривал сегодня с Алексеем Александровичем, прокурором области, по поводу вчерашнего техника. Помните эту женщину в черном берете? Прокурор согласился заняться ее делом лично, пересмотреть его, какое-то недоразумение тут. Специалисты нам нужны! Обязательно человеку надо помочь. В этом я вижу свой долг.

И такое дело папе знакомо...



Иван ШАМЯКИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. БРОДСКОГО.

БРОНЕПОЕЗД „ТОВАРИЩ ЛЕНИН“

В первые я услышал об этом событии спустя лет десять после того, как оно произошло. Мне тогда было лет семь-восемь. Услышал от матери. Мать же моя — женщина неграмотная (потом уже, когда начал ходить в школу, я научил ее немного читать и расписываться). Представление обо всем, что происходило даже в ее родной деревне, имела, пожалуй, такое же примитивное, как мы, дети, так как никто ее не учил пониманию событий в их связи со всем тем, что зовется историей. Но ее собственная душевная рана — боль утраты брата — была еще свежа, и мать рассказывала все так, что нас с братом Павлом это сильно волновало. Запомнилось на всю жизнь, как мы, особенно в зимние вечера, чаще всего просили:

«Мама, расскажи, как германцы наступали».

По-видимому, зародилась уже в сердцах детская деликатность, и мы не просили: «Расскажи, как убили дядю»,— хотя я, затаив дыхание, ждал именно этого эпизода: как убили командира отряда Андрея Калинина, маминого брата.

Мою давнишнюю просьбу к матери напомнила мне младшая дочь Алеся, которая недавно попросила меня:

— Папа, расскажи, каким ты был маленьким.

Лучше всех сказок слушала она простые, невыдуманные, правда, для нее во многом необыкновенные, эпизоды отцовского детства. Но когда я исчерпал все, что происходило в действительности, и начал выдумывать забавные истории, дочка от души смеялась. Со временем она уже не приставала ко мне с такими просьбами, и я понимал ее: дочь просто повзрослела.

У дочери моей есть все: книги, радио, телевизор и большой многонаселенный город.

Мое же детство проходило в лесу. От лесничества до ближайшей деревни километра три, и в короткие зимние дни, когда снега заметали дороги, мы по целой неделе не видели людей. Крестьяне из окрестных деревень в такие дни неохотно наведывались к леснику. Но именно зимой, особенно во вьюжные ночи, когда быстро заметало снегом следы и пни, не имел права сидеть дома, не мог спать или рассказывать детям сказки лесник. Лес тогда воровали безбожно. В те времена жили еще единолично, хозяева имели коней, и каждый оставался верен старому завету: «Кто в лесу не вор, тот во дворе не хозяин».

Отец мой честно берег лес. Как только наступала ночь, холодная, вьюжная, он вскидывал на плечо ружье, становился на широкие охотничьи лыжи и в обход — порой до рассвета, а иногда на сутки и на двое, нередко утром по следу — шел в деревню, находил срубленные деревья, составлял акты.

Мы оставались с матерью. Лес подступал к избе под самые окна, смешанный — березы, сосны, дубы,— и в ветреную ночь он не просто шумел — стонал, гудел, свистел и трещал. Было жутко даже нам, привычным к такому одиночеству. Мать боялась, наверно, больше, чем мы, малыши, так как бывали случаи, когда порубщики мстили лесникам. К тому же отца уже однажды подстрелили. И он пальнул в порубщика. Было чего бояться.

Мать странно отпугивала воображаемых врагов: брала запасное ружье (в хате их всегда было два), выходила на крыльцо и стреляла в воздух. Потом долго лаял потревоженный Мурза. Изредка, когда отец бывал недалеко, отзывался на выстрел — трубил в рог или стрелял. Тогда мать возвращалась успокоенная, забиралась к нам за печь... Да, не на печь, а за печь, так как дома лесников в лесах, принадлежавших до революции князю Паскевичу, построены были на один лад: печь складывалась не в углу, как в деревенских хатах, а между стенами, и за ней устраивались уютные закутки и убежища; заберешься туда, отгородишься каким-нибудь одеялом, чтоб не видеть черные страшные окна, и чувствуешь себя, как в крепости,— тепло, коптилка мигает, по стене от ее копоти ползет смешная куделька тени.

Наступала единственная вечерняя радость — мамины рассказы. Мать наша не была Ариной Родионовной. Сказок, песен знала она немного и рассказывала их не очень умело — не запомнились мне ее сказки. А вот про обычные житейские события, особенно о том, что сама видела, мать умела рассказывать так, что мы слушали, как самую дивную сказку, и надолго их запоминали. Но самое сильное впечатление на мое детское воображение производил рассказ о наступлении немцев и о смерти дяди Андрея.

Если пересказывать коротко, с сохранением маминого понимания тех событий, то выглядело это так.

Когда в Корме узнали, что в Питере, в Москве, в Гомеле рабочие прогнали буржуев и панов, то кормянцы ходили по селу с красными флагами и пели песни. Заводилой был Андрей, мамин брат. В Иговке делили имение и панскую землю. Андрей и туда ходил. И в Добруш и в Носовичи.

А потом готовились к первым выборам, где все должны были отдать свои голоса — кто за какой список хочет. Женщин, таких, как моя мать, выборы эти пугали. Но дядя Андрей и другие мужчины ходили по хатам и разъясняли, за какой список надо голосовать. Мать помнила, что она и вся их семья голосовали за номер девятый.

На рождество взволновались люди: немцы наступают. Сначала называли города, занятые ими, о каких мать до того не знала, для старух и женщин ее возраста города те были словно на краю света. А мужики, бывалые солдаты, говорили, что это недалеко. И люди стали собираться в отряды, чтобы сдержать натиск немцев. Командиром избрали Андрея Калинина. Он поехал в Гомель и привез три повозки винтовок. Роздали их молодым мужчинам. Отряды такие же были созданы в Крупце, Переросте, в Огородне, в Кузьминичах. Раза два отряды собирались вместе, проводили учение. По Корме шло целое войско в кожухах, в свитках, валенках и лаптях. Люди верили, что такое войско остановит проклятых немцев, которым своей земли мало — чужой захотели.

Когда в первую неделю большого поста пришла весть, что немцы заняли Гомель, Андрей домой не показывался ни днем, ни ночью: куда-то ездил, ходил, войско свое обучал в поле, окопы под Иговкой рыли — долбили мерзлую землю.

Вскоре немцы и Добруш взяли. По Крупецкому отряду, который преградил им дорогу, из пушек били. Между Крупцом и Переростом большой бой шел, немцев положили, как снопов на току. Очень обозлился германский царь за убитых, приказал из пушек стрелять по селам, никого не жалеть. Люди в холодных подвалах сидели, спасаясь от снарядов и пуль.

Два дня бились кормянцы в чистом поле под Иговкой, по колено в грязи, так как весна уже наступила. Да что сделаешь, если у немцев пушки и пулеметы, а у наших одни винтовки, да и то патронов не хватало; мать слышала это от отца моего, который также был в отряде; в ту зиму они только поженились.

Наши вынуждены были отступить. Через речку, по Ягодному — хорошо, что болото не растаяло еще,— на Злынку подались все отряды.

Андрей на минутку заскочил домой — взять в дальнюю дорогу хлеба, переобуться.

Вышел из хаты и побежал, чтоб догнать свой отряд. И тут, посреди улицы, перед окнами родной хаты, его настигла пуля.

— Германцев не было еще тогда на нашей улице,— рассказывала мать, вытирая слезы.— Люди говорят: свой выстрелил, который урядником при царе служил. Злы были на Андрея, что он сразу за Советы стал, что отрядом командовал, что в Добруш ходил, товарища Ленина помогал освобождать... Мы в подвале сидели, не видели, как убили Андрея. А германцы никого не пускали к нему, когда узнали, что он командиром был. Из пулеметов стреляли. Отец наш — ваш дед Степанец — просил, умолял, деньги платил, чтоб разрешили по-людски похоронить Андрея. Все равно не разрешили.

Сидя за печью, слушал я этот бесхитростный рассказ, и детское сердце мое сжимала боль и скорбь матери, и, как ничто другое, распаляла мою фантазию, возбуждала гордость за близких мне людей, кормянцев, которые не убоялись с винтовками пойти на немецкие пушки.

Потом, когда овладел иной формой познания мира — книгой, выучил биографию Ленина и историю революции, я, хорошо помня рассказ матери, удивлялся, желая понять, откуда могла возникнуть невероятная легенда, что Андрей Калинин ходил в Добруш, помогал красногвардейцам освобождать Ильича от немцев.

Отец мой этого не знал, отмахивался: «Мало ли что придет бабе в голову». Лесничествовал он далеко от родной деревни. В Корму я наведывался редко, и как-то не удавалось встретиться с теми, кто участвовал в этих событиях, узнать об этом более детально. В конце концов согласился с мнением моих друзей-студентов, что легенда эта — местный крестьянский отзвук, эхо на кадетско-эсеровскую брехню и поклеп, будто немцы везли вождя революции в пломбированном вагоне.

На этом, по правде говоря, я успокоился и уже редко вспоминал рассказ матери — всему свое время. Сам участвовал в событиях не менее драматичных. Как писателю, мне хватало сюжетов более близкой истории и более современных.

Но вот года два назад, читая документ того времени, когда шла борьба за победу Советской власти, наткнулся я на сводку штаба Московского военного округа. Член фронтовой коллегии Оралов и член оперативного отдела Мустафин 8 марта 1918 года в 20 часов донесли в штаб Московского военного округа:

«На Западном фронте, несмотря на заключение мира, боевые действия на участке Гомель — Новозыбков не прекращаются. 6 марта после обстрела немцами нашего отряда в районе станции Добруш из орудий и пулеметов, стоящих на платформах поезда под командой русского офицера в погонах подполковника, наши войска, сильно озлобленные этим, перешли в наступление и коротким ударом заняли станцию Добруш. 7 марта бой продолжался. Мы продвинулись вперед и отбили утерянный три дня назад бронированный поезд «Товарищ Ленин».

Так вот откуда возникла легенда, которую рассказывала мать!

Иду по следам событий, которым больше полусотни лет.

1

Комиссар отряда Елисей Арефьев вышел из темноватой квартирки начальника разъезда и... зажмурившись, захлебнулся от света и воздуха. Утро было удивительное, сказочное. Такое может быть только в марте, ранней весной. И только вот тут, среди ле-

са, на маленьком разъезде, где вокруг первозданная природа. Действительно, лес почти не тронут рукой человека, с двух сторон подступает до самой насыпи лиственный лес, низинный: дуб, осина, граб, ольха. Под деревьями еще лежит снег. Снег уже тронут весной и людьми, расположившимися тут. Но от ночного мороза он и отвердел и странно звенит под ногами бойцов. Над головой, на старых липах, возвышающихся над зданием станции,— птичий гомон. Сколько там птиц! И поют на все голоса! Он, комиссар, москвич, горожанин, даже не знает, как они называются, эти певуньи ранней весны... Воробьев он знает. Но воробьев там, кажется, нет. Они вот тут под ногами осмелели и порхают, скачут по насыпи, возле теплушек, на крышах вагонов, около кухни, что мирно дымила по другую сторону пути на поляне между штабелей бревен.

Синева неба резала глаза. Солнце слепило. Оно только поднялось над лесом и стояло как раз над железнодорожной просекой, которая туннелем, сужаясь вдали, рассекала лес рельсами, уходившими на восток.

Арефьев, мужчина лет сорока, с присущим ему запалом подумал, что солнце взошло в Москве. От мысли такой стало приятно на душе.

Прислушался. Вокруг царила тишина. Нет, он не слышал, как весело, с переливами поет пила — пилят дрова около кухни,— звенит снег и шуршит под ногами песок на насыпи, как щебечут птицы. Он слушал другую тишину, желанную, долгожданную,— тишину мира. Он, как миллионы других солдат, мечтал о ней, о такой тишине, сражался за нее. И вот наконец осуществилась эта всенародная мечта. Позавчера получена телеграмма Крыленко, что в Бресте подписан мирный договор. Получен приказ прекратить все военные действия и оставаться на своих позициях.

Приказ они выполнили.

Московский красногвардейский отряд, его штаб, тылы разместились на лесном разъезде Закопытье, откуда можно связаться по телеграфу с центром. Боевые роты — там, на взлесье, под Добрушем, из которого они вынуждены были три дня назад отступить под натиском кайзеровских войск.

Тишина желанная, но нерадостная. У Елисея Егоровича сжалось сердце. Вот куда, гады, доперли — до Москвы рукой подать! Когда Троцкий сорвал переговоры, их, отряд московских пролетариев, послали в Калинковичи, чтобы помочь обессиленной армии сдержать наступление немцев. Но старая армия, в сущности, разваливалась, а новую, революционную армию не успели еще создать. Четыре месяца всего живет Советская республика! Правда, народ в Полесье — в городах, в селах — поднимается на немца. Но опять-таки, чтоб организовать, взять под контроль партии, вооружить, научить эти стихийные отряды, нужно было время, а его не хватало.

Кроме приказа Крыленко, сегодня ночью пришла шифровка командирам, комиссарам, ревкомам, совдепам прифронтовых уездов: всеми силами сохранять условия мира, не отвечать на провокации противника и особенно зорко следить за теми, кто хочет сорвать мир до созыва Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов, который должен утвердить Брестский договор.

Арефьев знал из печати, от товарищей, приезжавших из Москвы, какую борьбу пришлось вести Ленину за этот мир, как нелегко было Ильичу доказывать даже некоторым большевикам, что, если не заключим мир теперь, хотя бы такой, тяжелый, грабительский, будет еще трудней.

Елисей Егорович был уверен, что ночная шифровка послана по указанию Ленина. Потому чувствовал особенную ответственность не только за свой отряд, но и за то, что происходит вокруг в восточной полосе Гомельского уезда, где остановился фронт в день заключения мира.

За свой отряд он спокоен. Большинство — рабочие, закаленные в революционных боях, и солдаты, которые добровольно влились в отряд из демобилизованных частей, почти четверть состава — члены партии, пожалуй, ни в одной части такого партийного ядра нет. Да и какой они отряд! После того как Ленин подписал декрет о создании Красной Армии, сами бойцы начали называть свою часть «Первый Московский пролетарский полк». Об этом общем желании они с командиром сообщили в реввоенсовет округа. Возможно, для того, чтобы официально оформить рождение нового полка рабоче-крестьянской армии, вчера вызывали в штаб командира. Немалое это хозяйство — полк. Одно название как повышает ответственность! Раньше полками командовали полковники, академии кончали, и офицеров, может, добрая полсотня, если не больше, в полку было. А он, Арефьев, с девятьсот седьмого по двенадцатый в сибирских рудниках обучался. В начале войны, правда, оказался ближе к военной науке — слесарем-оружейником в артмастерских Северного фронта, до унтера дослужился. Но ничего. Как говорится, не боги горшки обжигают. Неплохие, выходит, стратеги и тактики рабочие и солдаты, если смогли дать по шапке всем золотопогонникам с их академиями и штабами. Вон товарищ Крыленко всего-навсего бывший прапорщик, а командует фронтами не хуже алексеевых и духониных. Но наибольшую уверенность придавала мысль, что есть в партии, в народе, в его новой армии верховный главнокомандующий в самом высоком значении этих слов — Ленин. Борясь так настойчиво за мир с немцами, Ленин, безусловно, смотрит далеко вперед.

Вот почему он, большевик Арефьев, должен сделать все, чтобы тут, на их участке, никто не нарушил приказ о прекращении огня, что могло бы дать немцам повод наступать дальше, на Москву. Сдержать их теперь вряд ли хватит сил.

Комиссара тревожили соседи — гомельские отряды. Он знал: гомельчане рвутся в бой. Вчера говорил с их командирами. Понимал: им, здешним, особенно больно, что немцы захватили их землю, города, села, издеваются над матерями, женами, детьми. Некоторые сельские отряды возникли стихийно всего несколько дней назад.

Самый большой из местных отрядов Второй гомельский и рабочих Либава-Роменской железной дороги обосновались по соседству — в урочище Плоское, в конторе лесничества. Это версты три от разъезда.

Арефьев шел туда. Надо ознакомить партийцев с телеграммой Реввоенсовета.

Думал о мире, о других делах молодой республики, о будущем своей части. Но, думая об этом, он снова и снова восторгался окружающей красотой. Лесом прежде всего. Какой лес! Он как бы возвышает человека, его мысли, настроение, веру в жизнь, даже в бессмертие, не церковное, а человеческое — в бессмертие души народной. Дубы-великаны, им, может, лет по триста, не меньше. А березы! До чего же они хороши ранней весной! Как невесты. Воплощение чистоты и радости.

Углубившись в чащу, Елисей Егорович окунулся в необыкновенную тишину, будто на дно морское опустился, как во сне или в сказке, даже испугался на миг. Невероятный мир. Незнакомое ощущение. Отчего так замерли деревья? Хоть бы одна ветка шелохнулась. Будто прислушиваются к чему-то очень таинственному, что могут услышать только они, деревья. Солнце поднялось, просвечивает голый лес, и на осевшем, ноздреватом, посеревшем снегу сплетаются чудесной вязью свет и тени. Проталин в лесу еще немного, не как в поле, где снег остался только на косогорах да во рвах. Ночами сильно подмораживало, и в лесу санная дорога еще держится. На полянках дорогу разрезали ручейки, вымерзшие за ночь. Днем они забулькают, и пройти в рваных сапогах будет не так просто.

Нет, в лесу не мертвая тишина. Лес полон жизни — птичьей. Как и у разъезда, птицы порхают в ветвях, уж очень многозначительно поют — зовут, ищут друг друга, шустро прыгают по дороге, собирают семена от натрушенного за зиму сена. Тут много возили сена, клочья его висели на ветках деревьев.

Пройдя еще немного, Арефьев услышал необычный шум. Звуки другие, чем на разъезде,— более сельские: заржал конь, лаяла собака, чем-то стучали, будто кузнецы, но более глухо, чем бьет молот по наковальне, кричала женщина — бранилась, плакал ребенок.

Действительно, на усадьбе лесника — просторной поляне, которая неожиданно, из-за дубов открылась взору, вокруг старого неуклюжего здания конторы, нового красивого дома лесничего — будто цыганский табор разбили... На пашне стоят сани, в сосняке, где лежал еще снег, затоптанный и грязный,— повозки. Кони, коровы, даже волы, хотя в этих районах на них редко где ездят,— значит, приехали издалека, видимо, с Украины. Костры. Запах варева. Вооруженные мужчины и по-деревенски одетые женщины, дети.

Арефьев с удивлением отметил, что за сутки людей, коней, повозок тут, очевидно, удвоилось.

На разъезд пришел небольшой отряд, девять человек, из-под Речицы. Парни молодые, крепкие, вооруженные, готовые жизнь отдать за Советскую власть. Он, Арефьев, зачислил их в полк. Снова поймал себя на мысли, что который раз уже называет свой отряд полком. Подумал, что вчера и сегодня его никто тут не остановил. Надо сказать здешним командирам, что нельзя проявлять такую беспечность, когда рядом фронт.

В конторе, которую гомельчане заняли под штаб, было пусто, один дежурный у полевых телефонов — для связи с передним краем и с разъездом Закопытье.

Командиры завтракали у лесника.

Арефьев направился туда.

Завтракали коммуной. Видимо, в то же утро наспех, из неоструганных досок сколотили длинный — от окна до печи — стол на козлах. За столом на табуретах и на доске, под которую подложили чурбаки, сидело человек двенадцать. Добрую половину этих людей Арефьев увидел впервые.

Новые люди.

Навстречу ему приветливо поднялся командир железнодорожного отряда Орел.

— Заходи, заходи, Егорыч. Как раз на картошку. Гляди, сколько у нас гостей. Весь гомельский совдеп.

— Не весь, Михайлович,— усмехнулся один из незнакомых, светловолосый, как мальчуган, но плечистый, плотный мужчина, аккуратно выбритый. Он первый протянул руку, назвал себя.

— Бахтин.

Арефьев припомнил, что они встречались, когда вели бой на Днепре.

Бахтин снова засмеялся:

— Тогда я был с бородой.

— Кулиненко,— уныло назвал себя второй человек, с виду утомленный или больной.

Другие здоровались по-деревенски, не называя себя. Орел тоже не называл их фамилий. Одного только представил. Человек этот вошел в хату вслед за Арефьевым, неся в обеих руках по большой глиняной миске, в которые наложил с верхом квашеной капусты, рассол даже тек через край на руки, капал на пол. Арефьев подумал, что это хозяин, лесник. Но Орел сказал:

— Это, Егорыч, ваш ближайший сосед. Левый фланг прикрывает. Командир Кормянского отряда Калинин.

Калинин покраснел, как юноша, хотя ему было лет тридцать пять. У него было приятное, здоровое крестьянское лицо, которое как бы светилось изнутри, а потому и пламенело так. И глаза горели добротой, лаской, умом.

Он пригласил первый:

— Садитесь с нами завтракать, товарищ.

— Спасибо, я завтракал.

— Разве вы ели такую капусту? Понюхайте, как пахнет! — Калинин аппетитно потянул носом.— Вкуснота! И картошки Марина не пожалела.

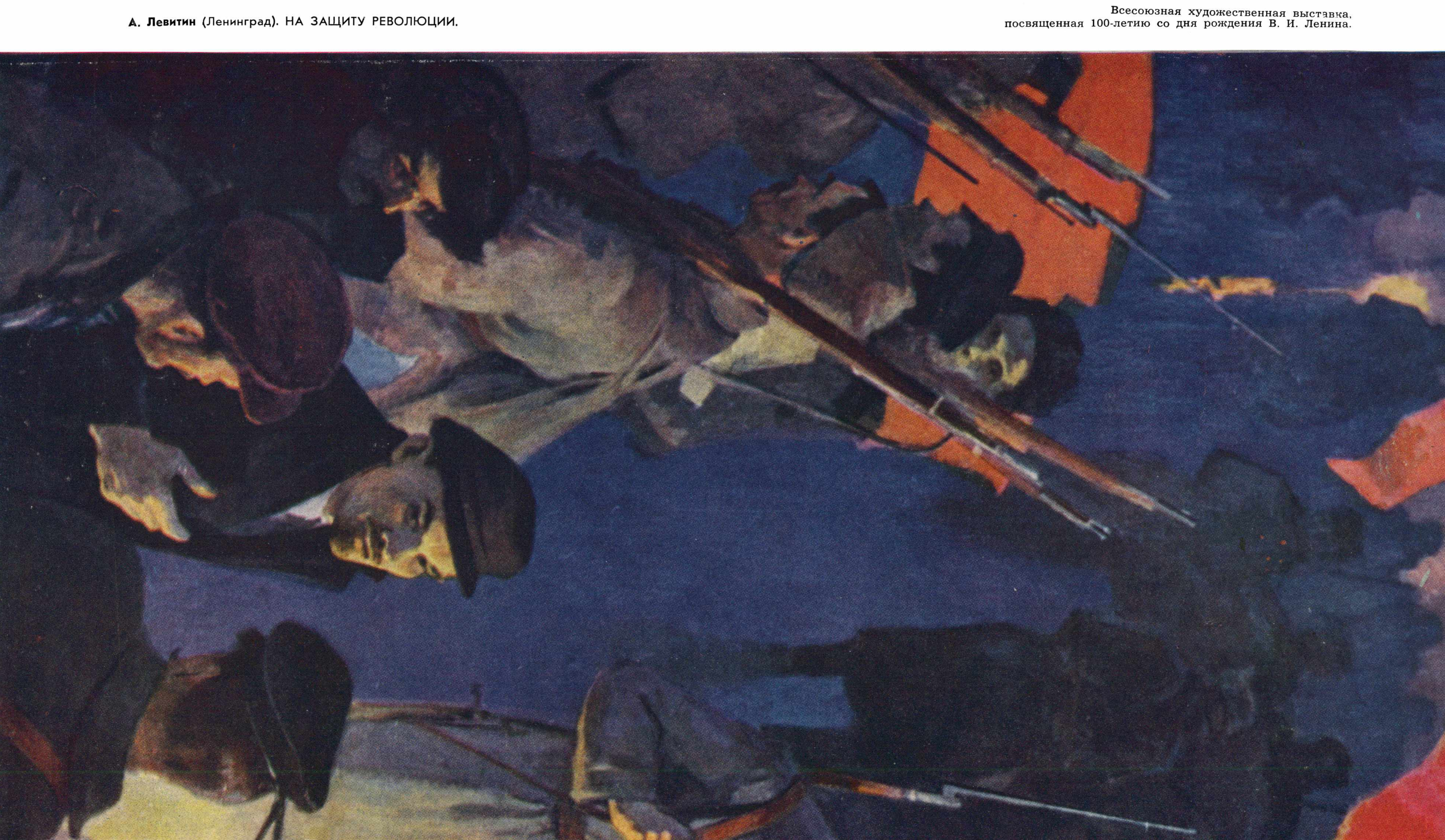
— Что это ты, Андрей, говоришь! — от-

К. Филатов (Одесса). В. И. ЛЕНИН.

Всесоюзная художественная выставка,
посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

А. Левитин (Ленинград). НА ЗАЩИТУ РЕВОЛЮЦИИ.

Всесоюзная художественная выставка,
посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.



Г. Абдурахманов (Ташкент). НОВЫЙ ХОЗЯИН.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

кликнулась с упреком лесничиха.— Вы головы свои за нас не жалеете, а я картошки пожалею. Ешьте на здоровье.

Она стояла перед печью, опершись на рогач, освещенная пламенем, раскрасневшаяся, со сбитым на затылок платком.

— Помоги-ка мне, деверёк, чугун вытащить,— попросила хозяйка.— А то его рогач не берет, этот чан.

Калинин проворно кинулся к печи, взял у хозяйки толстое полотенце, нырнул в зев печи и выхватил оттуда чугун ведра на два. Сцедил в лохань воду, шуганул вверх пар. Запахло вареной картошкой; сверху она подгорела, и вид пригорелых картофелин вызвал у Арефьева слюну. Завтрак в отряде был небогатый: несколько ложек пшенной каши с каплей растительного масла — лишь бы пахло.

Арефьев сел за стол рядом с командиром еще одного местного отряда — Демидом Гришалевым. С этим человеком он познакомился несколько дней назад — его отряд участвовал в боях за Добруш. Гришалев ему понравился. Рассудительный, спокойный, по-армейски точный, подтянутый, он показал себя образованным военным, а главное, убежденным большевиком. Комиссар Московского отряда написал про него Берзину: готовый командир для Красной Армии!

Однако место выбрал Арефьев не очень удачно — как раз лицом к лицу с Аверьяном Лагуном, комиссаром бронепоезда, захваченного немцами. Лагун — еще молодой парень, лет двадцати. Но рослый — целая сажень! Синий железнодорожный мундир делал его самым представительным среди этих исхудавших, по-деревенски одетых людей. И лицо у него было красивое, с правильными чертами, но побитое оспой, рябины придавали ему суровый вид и делали его более взрослым.

Арефьев встречался с Лагуном уже трижды, и каждый раз два комиссара расходились чуть ли не врагами.

Лагун переживал потерю бронепоезда, смерть товарищей и обвинял в этом Московский отряд: отступили раньше времени, не поддержали... Бросил даже в запале упрек в трусости: «Шкуру свою спасали». Несправедливый упрек, а потому очень обидный для него, Арефьева, и для всех москвичей. Не хочет парень понять, как ни убеждали его, что если бы они бросились тогда на немецкие пушки и пулеметы, то потеряли бы половину людей. А кому это выгодно терять таких людей — гвардию?

Лагун и теперь нервозно протянул по столу, по неоструганным доскам свои кулаки по пуду весом, загнал в руку занозу и, вытаскивая ее ногтями, посмотрел на гостя исподлобья, неприветливо спросил:

— Что, комиссар, пришел агитировать за мир?

— А разве вы против мира? — так же строго спросил Арефьев.— За мир борется Ленин, партия.

Такой вопрос немного смутил Лагуна.

«Горячий, но незрелый»,— подумал про него Елисей Егорович, хотя и симпатизировал парню.

За столом притихли, насторожились: начинался серьезный разговор. Только Калинин, наверно, не слышал, о чем говорили, был занят другими заботами.

— Мы ее вот сюда,— снял он с крюка решето.

— Нехорошо, Андрей! Кто же это картошку в решете подает? Стыд! — испугалась хозяйка.

— Ничего! — поддержал Орел.— Мы гости неприхотливые.

Калинин поставил посреди стола решето и высыпал в него из чугуна картошку.

На мгновение пар, как туман, закрыл сидевших напротив командиров, и Арефьев не заметил перемен на лице Лагуна.

— Второй чугун, Марина, ставь варить в мундире. Чистить некогда.

— Нехорошо с кожурой,— не соглашалась хозяйка.

— Эге, да вы тут как паны. Богатые,— отозвался один из тех, кто не назвал Арефьеву своей фамилии.— На Полесье в кожуре варят. Меньше отхода. Да и вкусней.

— Прошу, товарищи,— пригласил Калинин, показывая на картошку и капусту.— Чем богаты... Оно не помешало бы и по чарке, но чего нет, того нет.

— Революция уничтожит это зелье! — сказал Лагун опять-таки довольно сурово.

Арефьев увидел, что кое-кто из командиров, ревкомовцев, людей бывалых, усмехнулся от такого категорического приговора «зелью». Ему также хотелось улыбнуться, но он подумал о другом: никто не ответил на его вопрос. Неужели они против мира? Не может быть. Они же хорошо знают, что такое война. Его мысль как бы отгадал Бахтин. Взяв картофелину, перекинул ее с ладони на ладонь, подул и положил на стол. Сказал:

— Нет, товарищ, мы за мир. Думаю, за этим столом нет ни одного человека, кто не хотел бы мира. Сколько в селах сирот, вдов! Мы вчера ночевали в деревне за Веткой. Сказали людям, что договор о мире с немцами подписан,— крестьяне плакали. От радости. Но, видно, и от горя. Разве может быть радостным мир для тех, в чьи хаты нахально ввалился чужой солдат? Вон к Орлу пришли хлопцы из-под Буды-Кошелевой, рассказывают, как прислужники немецкого империализма окружили одну деревню и из пушек били по женщинам и детям...

Арефьев слышал про зверства немцев. Но даже ими нельзя оправдать выступления против мира. Его обязанность — доказать этим людям...

— Мир нужен для передышки. Чтоб республика собрала силы...

— Все это мы понимаем, товарищ,— тяжело вздохнул больной Кулиненко; он простуженно кашлял, держал в ладонях картофелину и вдыхал горячий пар.

— Надо, чтоб армии примирились. Передышка нужна, как хлеб и вода. Но народ, который сбросил с шеи своего царя, который почувствовал, что такое свобода, не примирится с кайзеровскими оккупантами. Народ стихийно поднимается на борьбу...— уверенно, как по писаному, говорил энергичный Бахтин; он один за столом не откусил ни остывшей картофелины, ни куска хлеба, положенного Калининым возле каждого из гостей, не зачерпнул деревянной ложкой капусты. Остальные с аппетитом ели.

Бахтина перебил Гришалев, поддержал:

— Немцы хотят отдать Гомельщину Украинской раде. Под этой маркой они, конечно, полезут в не занятые еще волости, у них же договор с радой. Что в таком случае нам делать?

Вопрос был неожиданным, и Арефьев не знал, как на него ответить. И по глазам всех, кто сидел напротив, он видел, что от него ждут ответа. Лагуна выдавала затаенная, недобрая ухмылка. Создавалось неловкое положение: выходило, что он, комиссар отряда, один против всех, будто перед ним не товарищи по партии, а враги. Даже рассудительный, выдержанный Гришалев и тот вот как прижал к стене!

— Думаю, что в мирном договоре все оговорено.

— Договор немцы навязали хищный, империалистический. Сам товарищ Ленин говорит об этом в телеграмме...

— Но есть и такая телеграмма.— Арефьев имел в виду изложить гомельчанам ночную шифровку с сохранением военной тайны, но тут достал бумагу из кармана френча и передал Бахтину. Все, кто сидел по другую сторону стола, с интересом потянулись к бумаге, кроме одного бородатого мужчины — командира Ветковского отряда, крестьянин этот не умел читать.

— Думаю, это тоже послано по указанию Ленина. Никаких провокаций на линии прекращения огня!

Гришалев между тем сам ответил на свой вопрос:

— Мы провозглашаем себя нерасторжимой частью Российской Советской Республики, и если немцы полезут в наши волости, будем драться за каждое село. В моем отряде более ста штыков, у Калинина — около сотни. Так, Андрей? Такие же отряды в Носовичах, в Перероcте, в Васильевке. Мы выставим целую армию!

Передавая телеграмму на другую сторону стола, Бахтин сказал Арефьеву:

— Напрасно беспокоишься, комиссар. Мы не собираемся бить немцев в лоб. Будем бить в спину. Видишь, мы поздно завтракаем. Почему, думаешь? Почти весь день сидели, советовались, спорили. И вот решили послать от Гомельского Совета такое письмо. Правда, не пришли еще к общему согласию — кому. Писали командующему фронтом. Но предлагают послать товарищу Ленину. Тогда придется написать иначе. Оно не совсем еще готово. Но послушай.— Бахтин из внутреннего кармана своей замасленной ватнушки достал потертую ученическую тетрадь, развернул ее, прочитал:

«Во всех концах нашего уезда, даже в самых глухих, идет организация партизанских отрядов без руководителей, без средств, без оружия. Охваченные неудержимой жаждой мести к ненавистному врагу революции и свободы, рабочие и крестьяне собираются в отдельные отряды, часто даже не связанные между собой, и, если их предоставить самим себе, они осуждены на гибель. Учитывая все это, мы, исполнительный комитет Гомельского Совета рабочих и крестьянских депутатов, твердо решили стать во главе стихийного народного движения, придать ему организованный характер, стройность, и тогда успех нашего дела будет обеспечен. Ваш приказ о приостановлении боевых действий с немцами в границах Российской Федерации Республики не может относиться к нам, мы партизаны, и потому Ваш приказ нас не касается. Если бы мы выполнили приказ и не пошли за трудящимися массами, тогда мы больше не революционеры.

Пройдет несколько дней, начнется половодье, дороги станут непроходимыми для немцев — мы же всюду пройдем. Вас именем революции просим не мешать, но если немцы... попробуют прорваться на Закопытье, дайте тогда им там с Вашими войсками достойный отпор»[1].

Письмо было очень категоричным и сначала насторожило Арефьева. Но последние слова успокоили. Он понял, что гомельчане действительно не собираются партизанить тут, на линии мира. А разве можно возражать против того, чтобы там, в тылу, под немцами, горела захваченная ими земля? Пускай чувствует это кайзер.

— Что скажешь, москвич? — спросил Лагун, все еще настроенный почти враждебно и, по всему видно, готовый ринуться в бой, если он, Арефьев, ответит не так.

— Могу подписаться под таким документом.

Лагун ударил по столу кулаком так, что подскочили почти уже опустевшие миски из-под капусты.

— Наконец слышу голос партийца! А то мне казалось, комиссар, ты погоны примериваешь на свой френч.

Обидно было солдату Арефьеву, который четыре месяца назад срывал погоны у офицеров, слышать такое, но задираться он не стал: лучше не трогать такого молодого и горячего. Не хватало еще поссориться тут. Не до ссоры. Тревожила другая мысль: «Почему руководители подполья вышли сюда, за линию фронта? Зачем созвали командиров местных отрядов? Или не хотят снять эти отряды с фронта и отвести в тыл?»

Кулиненко, раскрасневшийся от горячей картошки, весело блеснул глазами — вовсе не хмурый человек, выходит.

— Хорошо, комиссар, что ты понимаешь нас. Над письмом, конечно, мы еще подумаем. Если Берзину или Мясникову — можно и так. Если же товарищу Ленину — так нельзя: «просим не мешать...» Ленин при-

[1] Из заявления исполкома Гомельского Совета главнокомандующему Западным фронтом по борьбе с контрреволюцией Р. И. Берзину. Берзин направил заявление в Совет Народных Комиссаров со следующей припиской: «Довожу до сведения всех, что здесь речь идет о тыловых партизанских отрядах, которые мне не подчинены, и за их действия отвечать не могу».

зывал к партизанской борьбе. Еще когда были в Гомеле, нам из Витебска передали копию телеграммы за подписью Ленина: «Разбирайте пути — две версты на десять. Взрывайте мосты!» Помнишь, Михаил, вот что советует Ленин!

— Одним словом, к тебе, товарищ Арефьев, такая просьба: передать наше письмо. Телеграф в твоих руках,— сказал Бахтин, подписывая письмо коротеньким карандашом, карандаш он послюнил, и на губе его осталось фиолетовое пятнышко.

— Письмо передам. Но нам... всем нам надо понять, что главная сила, которая через полгода-год погонит немцев,— Красная Армия, создаваемая по декрету Совнаркома. Части старой армии демобилизуются, штабы распускаются, директиву вы знаете. Ядро новой революционной армии — наши отряды, красногвардейские. И чем скорее и больше их станет кадровыми частями...

Арефьев увидел, что гомельчане переглянулись между собой. Значит, чутье его не подвело: был у них разговор об отрядах, наверно, спорили даже.

— Отряды, Егорович, останутся,— первый откликнулся Орел. — Вы называете себя полком. Моих парней считайте как батальон.

Командира железнодорожников поддержал Гришалев:

— Если немцы полезут на наши села, будем сражаться. Но если не выстоим — сила у него, у немца, артиллерия, конница,—приведем отряды сюда, на соединение с вами, в Красную Армию. Так, Андрей? — обратился он к Калинину, который не присел за все это время, помогал хозяйке, сливал кипяток из другого чугуна картошки, сваренной уже в мундире.

Никто не возражал Орлу и Гришалеву. Кулиненко, который до сих пор ел нехотя, старательно выскребывал ложкой остатки рассыпчатой картошки. Лагун выколупывал из доски янтарный сучок, от потревоженного сучка запахло смолой.

Елисей Егорович ощутил покой и, пожалуй, радость: командиры сами решили все правильно, по-партийному. Выяснять же, чей это замысел — повести отряды в тыл,— не стоит. Зачем разжигать спор, который, видимо, закончился еще ночью согласием: на захваченной немцами земле создавать новые отряды, партизанские. Вероятно, и все придерживались такой мысли. Заговорили о весне: какой она будет? Про лес и лесничество. Арефьева заинтересовало, почему в доме так поставлена печь — почти посреди хаты. Калинин объяснил, что так начали строить после пятого года, когда на княжеских лесников совершались нападения. За такой печью можно сидеть, как в крепости, и отстреливаться.

Из-за печи давно выглядывали два любопытных чумазых личика. Елисей Егорович весело подмигнул им, и дети начали с ним игру глазами.

Лесничиха предложила простуженному Кулиненко «чаю с зельем». После картошки и капусты чаю захотели все. Чай вскипятили в том же чугуне на настое чабреца, брусничного листа и еще каких-то трав. Все сказали в один голос, чай царский, и по очереди — не хватало кружек и стаканов — пили его.

Никто никуда не спешил. Мир. Весна. На дворе гомонили люди, ржали кони, их действительно неподалеку подковывали.

Все насторожились, когда послышался топот копыт об еще мерзлую землю и фыркнул уставший конь. На коне, остановившемся у крыльца, сидели двое: мальчик лет двенадцати и кавалерист с башлыком на шинели и в казацкой шапке. Сводный батальон революционных солдат, в нем было полсотни кавалеристов, занимал оборону между отрядами Орла и Московским — на самых ближних подступах к Добрушу.

Что-то там случилось. Вот почему и Арефьев, и Орел, и Лагун нетерпеливо поднялись из-за стола.

Первым переступил порог мальчик. Он был мокрым по уши. Лапти, портянки, полотняные штаны, серая свитка и даже шапка-ушанка — все набрякло водой. Мальчик дрожал, руки и лицо его посинели от холода, но глаза сверкали смело и весело. Он как бы искал взглядом того, кто ему нужен, или хотел отгадать, кто тут, среди этих людей, главный.

Кавалерист доложил от двери, обращаясь к Орлу:

— Товарищ командир! Перебежчик оттуда, от немца. Нам ничего не говорит. Требует начальника бронепоезда Басина.

Командиры переглянулись между собой: Басина похоронили три дня назад после тяжелого боя, в котором потеряли бронепоезд.

Лагун шагнул к мальчику, глухо сказал:

— Басина нет, убили его немцы. За Басина — я.

Мальчик снизу — от огромных сапог до белокурого взлохмаченного чуба — осмотрел комиссара. Вид Лагуна и, наверно, его железнодорожный мундир произвели впечатление. Молчание других подтвердило, что этот большой человек не врет.

Тогда мальчик сорвал с головы ушанку, без жалости разорвал сопревшую подкладку, вырвал из-под нее клок промасленной пакли, протянул Лагуну. Тот не сразу даже сообразил, что это, и даже растерялся: зачем ему эта пакля?

— Там письмо,— подсказал мальчик.

Пока Лагун осторожно раздирал паклю, лесничиха первая — когда это мужчины догадаются! — проявила заботу о мальчике:

— Дитятко мое, на тебе же сухой нитки нет. Как по морю плыл.

— Речку переходил. А на берег немцы вышли. Я прилег, а лед осел, верховодье пошло. Как шуганул! Думал, все, под лед уйду. Едва выбрался.

— Как же тебя зовут?

— Володька... Бурцев.

— Ах, боже мой! Андрей! Фамилия же наша, кормянская.

— Из Жгуней мы... Будочником в Ларищеве отец мой.

— Лезь на печь, Володька. Я тебе переодеться дам. Чаю горячего напьешься. Гляди, как трясешься.

Лагун между тем достал из пакли тонкую трубку из промасленной бумаги, в ней, в трубке, письмо в пол-листа ученической тетради, в клеточку.

Лагун читал сначала молча. Все видели, как покраснел его затылок, бумага затрепетала в руках. Он повернулся к командирам:

— Товарищи!.. Дорогие... Нет, вы послушайте, что пишет наш машинист Плавинский! Это же большевик! А я изменником его считал... В Гомель человека послал предупредить, чтоб не верили Плавинскому, если он появится.

— Я говорил: не спеши делать выводы,— заметил Орел.

— А он... вот где он! Послушайте!... «Исак Борисович...— Это покойный Басин...— Поезд наш стоит в Ларищеве. Немцы сняли пушку и пулеметы. Больше ничего не трогают. Поверили, что вы взяли меня силой, я же беспартийный, пан машинист, и по-немецки немного болтать умею. Для них я ремонтирую поврежденный пулями паровоз. Но паровоз уже готов. Немцы налаживают мост, который разбили снарядами. Думаю, путь на Добруш сегодня будет открыт. Охрана у них тут небольшая, солдаты слоняются по деревням — ищут продовольствие. Если ударить неожиданно утром по Ларищеву и по Добрушу и если стрелки перевести — проскочим. Сердце мое старое чует. Да и видней мне отсюда, как все складывается. Поспешите. А то погонят поезд в Гомель — тогда уже все пропало, не отобьете».

У Лагуна пылало лицо, горели глаза, Взгляд его просил, умолял: поддержите то, о чем просит старый машинист, не возражайте. Почему они все молчат? Разве можно молчать, когда надо решать немедленно?

Первым поддержал тот же радостный гонец-мальчик, высунув из-за трубы взлохмаченную голову и голые худые плечи.

— Дядя Ладислав сказал, что лучше зайти из лесу, лес же под самый разъезд подступает. В Ларищеве немцы в школе. Офицер столуется у попа. А дядя Ладислав столуется у нас. Он больной, страшно кашляет. И задыхается. Мама моя травами его поит.

— Мой отряд может ударить от Жгуней и подержать под контролем участок железной дороги Добруш — Ларищево,— по-военному коротко и точно сказал Гришалев.

— И я приведу свой отряд,— поддержал его Калинин.— Под твою команду, Демидыч.

Тревога ударила в сердце Арефьеву. Выходит, письмо какого-то машиниста в один миг, как ветром, сдуло все, о чем он тут говорил все утро. Сдуло всю договоренность. Гомельчане заговорили про бой, как про дело решенное. Нельзя, чтоб это произошло! Ни в коем случае! Дорого такой бой мог обойтись республике!

— Товарищи! Вы что, забыли? Подписан мир. Есть приказ...

— Мы партизаны,— усмехнулся Бахтин; он да еще человека два сидели за столом.

— Нет! Тут вы не партизаны! Тут линия, где остановились войска двух государств, подписавших мир! И вот... вот,— он снова выхватил из кармана позавчерашний приказ и ночную телеграмму,— директива партии: никаких провокаций! Дорого нам стоит мир, если мы так легко...

Лагун всей своей огромной фигурой надвинулся на невысокого Арефьева, готовый, казалось, смять его, сбить с ног.

— Ты готов на лапки стать перед кайзером! А мы не станем! Нет! Из-за тебя, таких, как ты, мы потеряли бронепоезд, который носит имя вождя революции. В этот поезд рабочие наших мастерских всю душу вложили, всю свою революционную страсть. Это все равно, что боевое знамя потерять. Нет знамени — нет части. Беспартийный человек подсказывает, как отбить бронепоезд, а партиец, комиссар, призывает стать перед немцами на колени. Да нас расстрелять надо! И тебя первого, если мы не отобьем бронепоезд.

Арефьев увидел испуганные глаза хозяйки, недоуменные — у мальчика, который, надев лесниковы длинные штаны и длинную рубашку, соскочил с печи и стоял босой, не понимая, почему человек в солдатской шинели не хочет отбивать бронепоезд.

Комиссар москвичей подумал, что не к лицу им, людям одной партии, так по-бабьи ссориться, кричать на всю хату. Он отступил, взял с подоконника фуражку, надел, поправил пояс на шинели и сказал тихо, спокойно, но отчетливо и твердо:

— Московскому пролетарскому полку...

— Слышали? Уже полку? Я же говорил: он примеряет погоны!

Арефьев не обратил внимания на издевку Лагуна.

—... полку Красной Армии поручено держать оборону на этом участке... объединять местные отряды. Как комиссар полка, я выполняю приказ партии! Я запрещаю всякие действия, которые могут спровоцировать наступление немцев. Кто нарушит, буду требовать революционного суда и расстрела.

— Да пошел ты, знаешь, куда! — крикнул Лагун, но не выругался, вдруг повернулся и кинулся из хаты, хлопнул дверью так, что зазвенели стекла.

Арефьев сказал Орлу:

— На твою ответственность, Михайлович. Твой отряд держит оборону.

— Не бойся, Егорыч. Будет порядок.

— И вы, товарищи, постарайтесь остудить эту горячую голову,— кивнул он на дверь.

Бахтин отвел глаза.

Кулиненко вздохнул и закашлялся.

Арефьев козырнул на прощание. Но около печи остановился, протянул руку хозяйке:

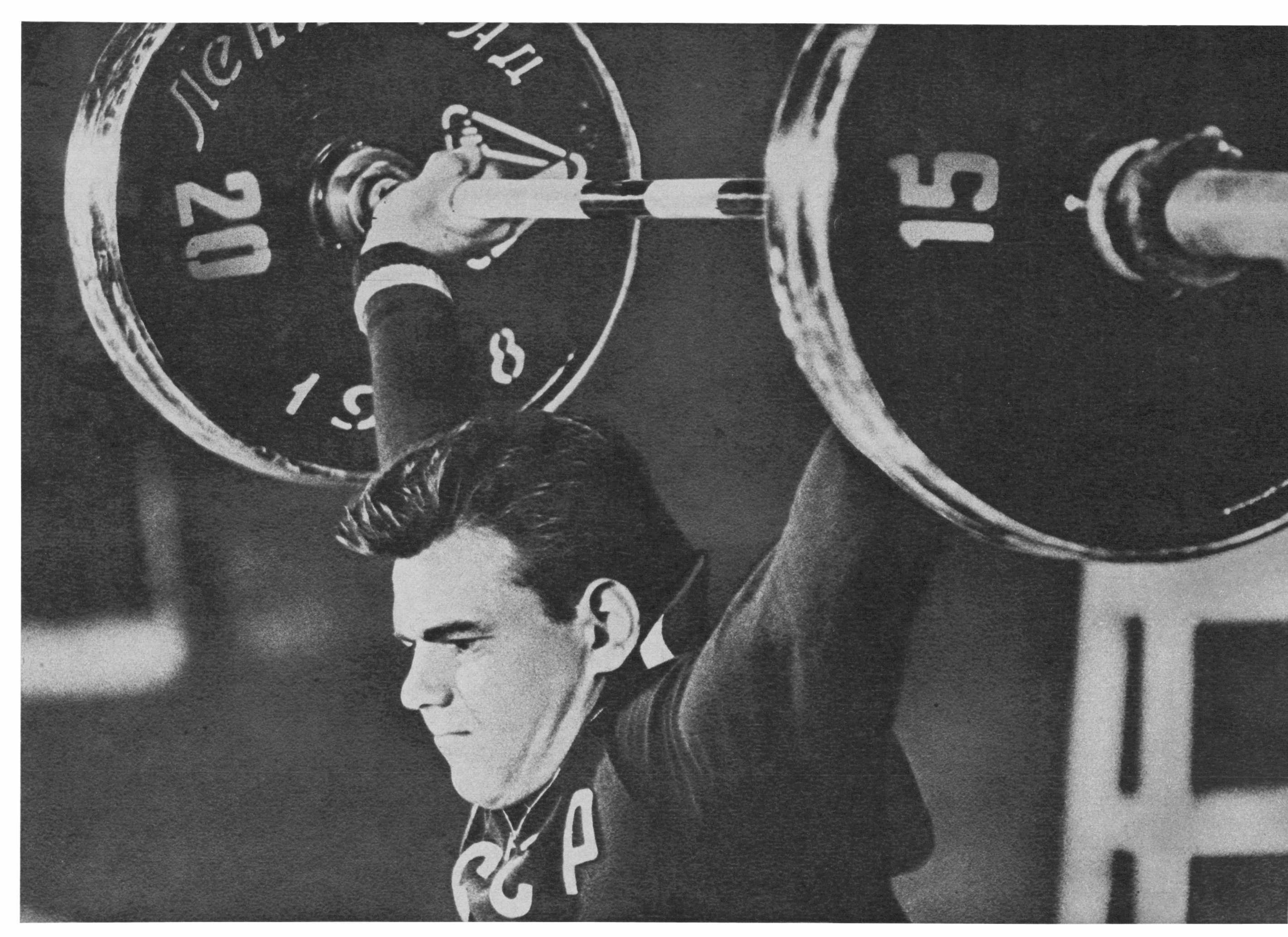
— Спасибо за хлеб-соль.

Лесничиха смутилась до слез:

— Ну, что вы, не за что. На здоровье.

Перевод с белорусского
М. ГОРБАЧЕВА.

Окончание следует.



На тренировке.

Фото А. Бочинина.

СНОВА В КОЛУМБУСЕ

Ян ТАЛЬТС,
двукратный чемпион мира

Прежде чем предоставить слово двукратному чемпиону мира в первом тяжелом весе, трехкратному чемпиону Европы, обладателю трех мировых рекордов из четырех возможных, мы считаем необходимым напомнить нашим читателям, что они не впервые встречаются с Яном Тальтсом на страницах журнала «Огонек».

Впервые мы рассказали об этом замечательном спортсмене — сильнейшем штангисте полутяжелого веса еще два года назад (№ 24 за 1968 год). Но вскоре после этого в Мехико, на Олимпийских играх, Тальтс уступил первенство финскому штангисту Каарло Кангасниеми и решился на очень рискованный и трудный шаг — переход в следующую весовую категорию. В борьбе на чемпионате мира 1969 года в Варшаве с одним из самых лучших тяжеловесов США, соперником не менее грозным, чем финский спортсмен,— Робертом Беднарским, Тальтс добился победы. Но в Международной федерации тяжелой атлетики нашлись люди, которые попытались в нарушение всех правил объявить в Варшаве чемпионом мира Беднарского. Во втором очерке, опубликованном в № 32 журнала «Огонек» за нынешний год, рассказывалось о том, как Тальтс победил в Варшаве и как уже в нынешнем году два молодых атлета — земляк Тальтса Карл Утсар и могучий москвич Валерий Якубовский стали для него еще более грозными соперниками, чем Беднарский. А недавно Ян Тальтс снова встретился с Беднарским, на сей раз в американском городе Колумбусе.

Наш корреспондент В. Викторов навестил Тальтса в Таллине и попросил его хотя бы на несколько часов вернуться назад, в Колумбус. Вот запись его рассказа, в котором Ян Тальтс продолжает очерк о себе самом.

Скажу сразу, очень не хочется мне возвращаться назад, в американский городок Колумбус сейчас, когда все уже позади. Я вспоминаю недавние события, сидя у себя дома, за письменным столом, на котором лежат мои две золотые медали, одна с прошлогоднего, варшавского чемпионата, а другая нынешняя, полученная совсем недавно в США, и все, что пришлось пережить, кажется неправдоподобной выдумкой. Неужели это возможно, спрашиваю я себя. А если возможно, то откуда же взялись и у меня и у моих товарищей силы сохранить выдержку, спокойствие, волю к победе?

Весной у меня произошло смещение позвоночника, и я вынуж-

ден был лечь в больницу. Есть такое пристанище, о котором знают все спортсмены,— ЦИТО — Центральный институт травматологии и ортопедии. Там работает известная в прошлом спортсменка, а ныне хирург, профессор Зоя Сергеевна Миронова. Многие спортсмены благодарны ей, многих она вернула в строй, и вот и мне предстояло у нее длительное лечение.

Тяжелая штука больничный режим, особенно для спортсмена, привыкшего к особому, динамичному образу жизни. Каково ему, лежа на койке, следить за успехами своих товарищей, с тревогой думать о том, что приближаются крупнейшие международные соревнования. Мог ли я отказаться от новой встречи с Беднарским, мог ли я уступить это право моим молодым товарищам Утсару и Якубовскому? А они, словно стремясь доказать, что готовы к борьбе с Беднарским, показывали великолепные результаты.

— Нет, больничный режим для меня капитуляция,— так сказал я себе.— Если я хочу встретиться с Робертом Беднарским на помосте, то мне нужно совмещать лечение с тренировкой. Но разве это возможно? И вот пришли дни тяжелых испытаний. Вместе с моим тренером Виером Таймо, который переселился ко мне в больницу, мы разработали серию упражнений для рук и брюшного пресса. Так, лежа на больничной койке, я начал тренировки, приведя в панику врачей. Многие требовали, чтобы я прекратил свои эксперименты, но меня поддержала профессор Миронова, дала мне возможность продолжать работу. И постепенно упражнения стали усложняться, а потом в больнице появились и штанга и гантели

Перед моими глазами стоял Беднарский. Сумел ли сохранить он свои силы? Каковы его планы? Об этом никто не знал. Ясно было лишь одно: в Колумбусе он сделает все, чтобы выиграть, доказать случайность своего поражения в Варшаве. Мог ли я знать тогда, что в этом ему попытаются помочь президент Международной федерации Кларенс Джонсон, самолично вручивший мне золотую медаль в Варшаве, и секретарь федерации Оскар Стейт?..

Тренировки на больничной койке помогли мне остаться в спортивном строю. Я быстро вошел в форму и перед отлетом в Венгрию на чемпионат Европы на контрольных прикидках стал поднимать в сумме трех движений 550 килограммов, что составляло тогда сумму мирового рекорда. И действительно, вскоре этот вес был официально зафиксирован на соревновании в Таллине, а затем в Венгрии мне удалось превысить его сразу на 12,5 килограмма. Так незаметно приблизился отъезд в США. В напряженной подготовке быстро промелькнули оставшиеся до отлета дни. И вот мы с Валерием Якубовским занимаем кресла в «ИЛ-62». Да, в команде нашлись два места для атлетов первого тяжелого веса. Ну что ж, Беднарскому будет полезно убедиться в том, что в Советском Союзе есть еще штангисты, которые могут на равных побороться с ним.

Ранним утром самолет американских внутренних линий приземлился на огромном аэродроме Колумбуса. Нам казалось, что и город должен быть ему под стать, но, увы, очень скоро мы смогли убедиться в том, что Колумбус принадлежит одноэтажной Америке. Нас расселили в студенческом общежитии, в тесных комнатах, лишенных кондиционированного воздуха, а жара, как назло, стояла тропическая. Не оказалось кондиционеров и в тренировочном зале, так что нам пришлось готовиться к чемпионату в самых невыгодных условиях. Помосты в буквальном смысле слова были залиты нашим потом. На примитивном уровне оказалось и питание. Тяжелоатлетический спорт требует особого пищевого режима, разнообразного, высококалорийного. После первых же дней мы убедились в том, что организаторы чемпионата экономят на мясе, фруктах, соках. Смешно сказать, но нам не хватало еды, и нашему массажисту Косте Громадину, мастеру на все руки, пришлось готовить нам бульоны и бифштексы.

Моим соседом по комнате оказался Вася Колотов, молодой уралец, выступающий в «моем» полутяжелом весе, в том, с которого я когда-то начинал. И вот теперь я смотрел на этого сильного и спокойного уральского парня и видел в нем себя в то время, когда вел борьбу с Каарло Кангасниеми. Колотов тоже проиграл могучему финну, но не дрогнул, после этого побил мировой рекорд Каарло, и я видел, что Колотов совсем не рад тому, что Каарло Кангасниеми не приехал в Колумбус. Я бы тоже был огорчен, если бы узнал, что Беднарский не выйдет на помост.

Немало часов мы провели вместе с Колотовым в нашей душной комнатенке. Он рассказывал мне о родных местах, о Первоуральске, о заводе, на котором работает слесарем, вместе с ним мы проливали пот на тренировках и не спали ночами, когда над Колумбусом бушевали тропические грозы. Но главная гроза разразилась над нами в самый канун чемпионата. Никогда не забуду я того дня, когда Аркадий Николаевич Ленц, руководитель нашей делегации, и Алексей Сидорович Медведев, старший тренер команды, вернулись с заседания Международной федерации и сообщили мне, что 18 голосами против 13 у меня отобрано звание чемпиона мира в пользу Роберта Беднарского.

Как же так? — мелькнула мысль. Ведь вопрос этот давно решен. После Варшавы был уже чемпионат Европы, на котором я установил новый мировой рекорд, намного превышающий результаты, когда-либо показанные Беднарским. Как же можно теперь, перед новым нашим выходом на помост, задним числом принимать такое решение? Оно может иметь лишь одну цель— сбить меня с ног, лишить уверенности, обеспечить Беднарскому золотую медаль в Колумбусе. И это называется гостеприимством? И это называется спортом? И это называется элементарной человеческой честностью? Но я тут же сказал себе: «Стоп, Тальтс! Разве ты приехал на конгресс Международной федерации? Какое к тебе может иметь отношение гнусное политиканство? У тебя ведь одна цель: еще раз победить Беднарского. Вот для чего ты приехал в Колумбус». И, сказав себе все это, я не стал больше интересоваться доводами Джонсона и Стейта. Я только спросил Дмитрия Иванова, в прошлом известного штангиста, а ныне корреспондента газеты «Советский спорт»: «Если Беднарский чемпион, то кто же я?» И он мне ответил: «Ян, для всех, кому известно слово «штанга», ты всегда будешь чемпионом мира».

Но вот на помост поднялись штангисты наилегчайшего веса, и новая тяжесть обрушилась на нас. На варшавском чемпионате советские штангисты заняли в этом весе первые два места, в Колумбусе Сметанин оказался лишь третьим, а главная наша надежда — обладатель всех высоких титулов Владислав Крищишин не выдержал напряжения борьбы, всех предшествующих ей волнений и выбыл из борьбы...

Надо ли напоминать о том, что произошло после этого. Ведь победой венгра Шандора Хольцрейтера борьба не закончилась. Уже после того, как выступили штангисты легчайшего, полулегкого и легкого весов, судейская коллегия объявила о дисквалификации семи призеров, причем шестеро оказались атлетами из социалистических стран. Мотивировка? Якобы использование допинга швейцарского происхождения...

Таков был новый удар, нанесенный на сей раз не только мне, но всем штангистам, приехавшим на чемпионат мира в США. Хозяева чемпионата шли ва-банк. Не потому ли, что перед чемпионатом мира, как нам говорили, Джонсон возил Дьюба и Беднарского на прием к президенту и те дали слово, что американская команда не упустит первенства?

Только после того, как медицинская комиссия чемпионата заявила решительный протест и потребовала соблюдения всех установленных норм при взятии анализов, «допинговая эпопея» в Колумбусе бесславно завершилась. Однако об этом мы знаем теперь, а наш Виктор Куренцов, вступая в борьбу, еще не был уверен в том, что и его не лишат победы. Каково-то ему было вести спор с сильнейшими полусредневесами мира? Но он показал всем, что такое воля, и никому не отдал своей золотой медали, хотя норвежец Енсен, великолепный атлет, все сделал для того, чтобы добиться первенства.

Виктор Куренцов очень помог мне собраться, во всеоружии встретить Беднарского у штанги. Впрочем, он всем нам помог. И Геннадию Иванченко, нашему средневесу, столь блистательно выступившему в Колумбусе, и моему соседу и другу Василию Колотову, нанесшему третий удар любителям закулисных интриг.

Увы, не всем удалось преодолеть духоту Колумбуса. Вслед за Крищишиным не смог проявить своих сил наш второй штангист полутяжелого веса Александр Кидяев, а ведь решение выставить Кидяева лишило Валерия Якубовского возможности вместе со мной выйти на помост — весь лимит был уже использован.

Плохо спал я в ночь, предшествующую своей встрече с Беднарским. Узнав о решении конгресса, я демонстративно с Беднарским не разговаривал, потому что считал, что он должен был со мной объясниться, выразить свое отношение к этому решению. Молчание американца говорило о том, что он согласен принять не принадлежащую ему золотую медаль. А если это так, то о чем же мне с ним говорить? Теперь этого объяснения было уже не избежать, объяснения, в котором человеческую речь заменит грохот рушащегося на помост металла.

Прислушиваясь к свободному дыханию Колотова, вглядываясь в его безмятежное лицо, я думал о том, что через несколько часов, еще до того, как зал заполнят зрители, начну свою борьбу с Беднарским на площадке весов. Мои 108 килограммов говорят о том, что по сравнению с Варшавой я стал сильнее, но, с другой стороны, мне надо хоть на несколько сот граммов быть легче Беднарского, ведь если мы покажем одинаковый результат, победит тот, кто легче.

Взвешивание тоже имеет свою тактику. Не поднимаясь на весы, я ждал появления американца и, только убедившись в том, что он тянет 109 килограммов, спокойно дал зафиксировать и свои килограммы. В пять часов закончилась эта традиционная манипуляция, которую можно было бы назвать увертюрой спортивного спора, а в шесть уже началась настоящая, открытая всем борьба.

Мы знали, что выступление штангистов первого тяжелого веса перенесено в другой, более просторный зал, что оно будет передаваться по телевидению на всю Америку, что не четыре тысячи человек станут свидетелями моей встречи с Беднарским, а многие миллионы, и эта мысль волновала необычайно, заставляла еще и еще раз проверять свои расчеты.

Тактический план штангист разрабатывает задолго до выхода на помост, но это не значит, что коррективы не вносятся им до самой последней минуты. И на сей раз уже в то время, как Беднарский боролся со штангой весом в 182,5 килограмма, мы обсуждали вопрос, с какого же веса мне начинать жим. Алексей Сидорович Медведев предлагал со 185 килограммов, я же настаивал на том, чтобы сразу со 190. Очень хотелось потрясти Беднарского уже в первом «раунде».

В Варшаве американец в жиме выиграл у меня два с половиной кило, в Колумбусе он поднял тот же вес — 182,5 килограмма. Я же вышел к штанге, когда он использовал уже свои две последние попытки. Сперва мне покорились 190 килограммов, затем — 197,5, и тогда я попросил установить 200...

Двести килограммов! Новый мировой рекорд! Еще никому не удавалось поднять такую тяжесть. А мне удастся? Конечно, удастся! Разве не говорят об этом две предыдущие попытки? «Удастся, удастся, удастся»,— стучалась в мое сердце эта мысль, не давала мне сидеть, спокойно дышать, и я шагал по разминочному залу, а у стены стояли все свободные ребята и молча смотрели на меня, и за стеной гудел зал, громогласно, как-то особенно, по-американски, и ассистенты устанавливали на штанге вес мирового рекорда, и где-то рядом Беднарский, наверное, подставлял свое огромное тело под руки массажиста.

Я не могу рассказать, как вышел к штанге и как поднял ее. Опомнился уже за кулисами, когда мне сказали, что вес на штанге проверен и что теперь мне самому пора стать на площадку весов. Но все это меня уже мало интересовало. Я думал теперь о том, как же распорядиться своими тремя попытками в рывке. На это у меня оставалось полчаса — не так уж много для того, чтобы еще раз взвесить все тактические варианты.

В Варшаве Беднарский после рывка выиграл у меня еще пять килограммов и перед последним движением — толчком имел в резерве 7,5 килограмма. Он поднял тогда отличный вес: 160 килограммов. С чего же он начнет борьбу сейчас? В сущности говоря, я понимал, что возможности Беднарского раскроются сейчас, в рывке, что вес, заказанный им, покажет, готов ли он к борьбе за первое место. И когда я узнал, что Беднарский начинает рывок со 147,5 килограмма, мне было уже ясно, что он надломлен, что он побит. А потом, когда я услышал грохот штанги, не тот победный грохот, который так хорошо знаком нам, а грохот неудачи, я понял, что не ошибся. Тогда-то я и решил начинать спокойно со

150 килограммов, потом поднял 155 и, хоть и не смог использовать третьей попытки, набрал в сумме двух движений на 20 килограммов больше, чем в Варшаве.

После двух движений я поднял 355 килограммов. Значит, преодолев в толчке 210 килограммов, я обеспечу себе новый мировой рекорд — победу над Беднарским. Как близка эта победа! Ведь я же и 215 поднимал. Но нет, я не брошусь вперед очертя голову. Теперь особенно важно сохранить спокойствие и трезвость.

— Я начну с двухсот килограммов, как в Варшаве,— сказал я Медведеву. И мой тренер удовлетворенно кивнул. Так впервые мы вышли с Беднарским к штанге одного и того же веса. Но если американец не смог использовать своей первой попытки, то я расправился со штангой так же просто, как на тренировке. Беднарский закончил свое выступление на этом исходном весе, я же сразу пошел на 210, и когда зафиксировал этот вес, зал стоя, в знак особого почета приветствовал мою удачу, мою победу, мой мировой рекорд, полный разгром Джонсона и Стейта.

Яростно, прямо в лицо били лучи прожекторов. Миллионы людей в этот момент были рядом со мной, в Колумбусе, но я не видел даже тех, кто сидел в первом ряду. Я видел одного Беднарского, растерянного, подавленного, слышал его хриплый шепот: «Ты победил». И вот уже Джонсон вручает мне золотую медаль. «Ол райт» — «очень хорошо»,— говорит он, надевая мне ленту на шею. Но ведь и в Варшаве Кларенс Джонсон вручал мне золотую медаль и тоже говорил «Ол райт»!

Вот о чем я думал, стоя на пьедестале почета под жаркими лучами прожекторов, рядом с восемнадцатилетним болгарином Сашей Крайчевым, завоевавшим серебряную медаль, и Беднарским, оказавшимся лишь третьим.

Теперь я мог, наконец, успокоиться, оглянуться, прийти в себя, но, когда я сошел с помоста, понял, почему не испытываю этого спокойствия. Ведь завтра же выступает главный Василий нашей команды — Алексеев! Завтра он нанесет пятый удар, завтра окончательно будет решена наша победа. И только на следующий вечер, когда Василий Алексеев сделал все, что он должен был сделать, когда нашу команду объявили чемпионом мира, я сам себе сказал: «Даун!» (по этой команде — «вниз» мы опускали штангу).

И вот теперь я сижу дома и думаю: в чем же главный урок Колумбуса? И мне ясно, в чем. Там, презрев все законы честной спортивной борьбы и гостеприимства, американцы сделали все, чтобы вернуть своим штангистам давно утерянную ими репутацию сильнейших в мире. Они лишили меня золотой медали варшавского чемпионата, считая, что этим помогут победить Беднарскому, но несправедливое решение конгресса увеличило мои силы, а нечестная поддержка сделала Беднарского лишь слабее. Иначе он никогда не проиграл бы мне сразу 35 килограммов.

Да, спорт тем-то и прекрасен, что он воспитывает в человеке все честное, красивое, прямое и отвергает все подлое. Для того, чтобы напомнить об этом, я и согласился еще раз вернуться в Колумбус.

СЧАСТЬЯ ВАМ, ЛЮДИ!

Надежда НЕДЕЛИНА

Родилась я...

Родилась я на свет,
Чтобы светом мечты
Отгонять слепоту темноты.

Родилась я на свет,
Чтобы руки могли
Смыть горячие раны земли.

Родилась я на свет,
Чтоб пустившимся в путь
Двери в счастье смогла распахнуть.

Дождь

Я слушаю дождь, как поет он и плачет,
По стеклам струясь в тишине!
И голос его с каждым разом иначе
Звучит, отзываясь во мне,

То смехом звучит он, то зовом приветным
Дороги, не пройденной мной.
Мне кажется, рьяно в содружестве с ветром
Кружит он шар земной.

Чтоб пашни заполнились всходами хлеба,
Чтоб к солнцу листва поднялась,
Миллиардами нитей он землю с небом
Связывает, серебрясь.

Люблю этот дождь, что трепещет во мне,
По стеклам струясь в тишине.

Иметь бы тысячу сердец

Два глаза у меня. Их мне
Достаточно вполне
Затем, чтоб видеть я могла
Костров осенних полыханье.
Как утром исчезает мгла
При ветре — от его дыханья,

Как зелень плещется осин,
Как нежно розовеют дали,
Когда весной вплывает в синь
Цветенье молодых миндалей.

Чтоб мне, светло или темно,
Дороги видеть бесконечность
Земной, которой суждено,
Взлетев, с Путем скреститься Млечным.

Мне две руки даны.
Их мне
Достаточно вполне.
Чтоб честным тружеником быть,
Чтоб сеять в поле, встав до света,
Чтоб хлеб с умением месить,
Чтоб собирать цветы в букеты,

Чтоб дочкам косы заплетать
Своими быстрыми руками,
Болящим раны промывать.
И ткать узорчатые ткани.

Чтоб письма слать друзьям иль стих
Писать, душе своей в угоду,
Швеей знамен быть боевых
Для тех, кто бьется за свободу.

И сердце мне судьбой дано,
Но жалко, что всего одно!

Имей я тысячу сердец,
Я в них вобрала бы все грозы,
Чтоб в жизнь не целился свинец,
Чтоб не вскипали вдовьи слезы.

Вобрала б боль за всех ребят,
За кровли, что в огне и дыме,
И пусть сердца мои сгорят,
И я погибну вместе с ними,

И пусть меня родной народ
Не чтит при жизни и посмертно.
Зато вся боль со мной умрет,
Исчезнут беды все бесследно.

Как жаль, что сердце мне дано
Одно.
Всего одно...

Женщинам мира

Мой день, как цветущая яблоня, светел,
И ночь моя — звездная гроздь.
Но сон мой тревожен,
тревожен, как ветер,
Затем что страданье людей на планете
Опять до моей тишины донеслось.
Страшны мои сны...
В них гремят эшелоны,
В них целится в детство бомбежками высь,
В них угольно-черные лица, в них стоны,
В них танками войны преследуют жизнь.
В них скорбь словно ливни...
В них весны и лета
Со злаками тонут в пустынях жары...
О матери, сестры пяти континентов,
Терпеть это все...
До какой же поры?!

Давайте сольем воедино все взоры,
Сердца все, все силы своей правоты,
Чтоб вместе спасти от беды, от позора
Всю землю, и солнце, и жизнь, и цветы.

Перевела с болгарского Ирина ВОЛОБУЕВА.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вскоре после визита Женэ с Анри Магритом произошло нечто такое, что изменило всю его жизнь.

Понедельник был его выходным днем в гараже, и он поехал в кафе «Ламартин» на Монпарнасе пообедать с двумя старыми приятелями: Винсентом Марином, с которым они вместе работали в Амьене, и с американцем Джорджем Рандольфом — человеком с примечательной биографией. Во время войны он служил в разведке, и его не раз сбрасывали на парашюте во Францию для связи с движением Сопротивления. Сейчас он занимается живописью, был, по мнению Анри, никудышным художником, но прекрасным товарищем.

После обеда, соблазненный чудесной погодой, Анри распрощался с друзьями и не спеша пошел по набережной вдоль причалов, где они с Робером в детстве часто катались на велосипедах. На площади Карусели Анри, повинуясь внезапному порыву, свернул в сад Тюильри и присел на одну из скамеек неподалеку от карусели. Наблюдая за ребятишками, которые со всех ног устремлялись к ней, он вспомнил, как однажды перед войной был здесь вместе с матерью, Робером и Аник, тогда еще только начинавшей лепетать. Была с ними и мадам Дювернуа с Марселлой.

Анри увидел тот день, далекий и милый, один из последних дней жизни, которую вскоре безжалостно растоптала война. Да, они были счастливы тогда, наблюдая, как Марселла вместе с другими детьми и Аник катаются на карусели на сиденье в виде лодочки с лебединой шеей. Аник перепугалась и плакала, пока они ее не сняли. Как отчетливо все это помнилось: музыка, ароматы лета, синие тени под деревьями и даже цвет сладкого напитка в стаканах... В то время казалось, что такой жизни не будет конца. На стене уже пламенели зловещие слова, но они их не видели, как не предчувствовали болезни Робера, войны, смерти мадам Дювернуа.

Марселла... Она была тогда неуклюжей девочкой-подростком. Кто бы мог подумать, что она станет такой красавицей!

Теперь все это в прошлом. Книга прочтена, и все ее персонажи разошлись каждый своей дорогой. Он уже много лет не видел Марселлы и лишь недавно узнал, что она вышла замуж за богатого американца, точнее говоря, продалась за американские доллары.

Анри повернулся и медленно побрел по аллеям. Вот бассейн, в котором Робер учил его управлять первой моделью яхты. За ним другой, здесь они часто кормили огромных рыб, до того разжиревших, что их почти не соблазняли кусочки хлеба, плавающие на воде. Рыбы все еще жили в бассейне, но их кормили уже другие дети.

Анри пересек площадь Согласия и неторопливо пошел по Елисейским полям.

Солнце уже начало опускаться. Анри подошел к площади Пуа и обнаружил, что все столики перед кафе заняты. Женщины в легких летних костюмах и ярких платьях оживленно болтали, веселые, изящные и нежные, как на картине Ренуара, насыщенной золотистым светом и синими тенями. Анри решил, что, перед тем как вернуться в поезде метро на Монмартр, он выпьет стаканчик аперитива. С этой мыслью он пересек улицу, вошел в кафе, сел за только что освободившийся столик и заказал порцию «перно». Поджидая официанта с вином, Анри обратил внимание на женщину, сидевшую через два столика от него. Он видел только ее спину в темно-зеленом льняном костюме, слегка наклоненную голову и гладкие, свободно ниспадающие черные волосы, и все же что-то в ней внезапно заставило его сердце забиться сильнее. Нет, нет, это потому, что он совсем недавно вспомнил Марселлу! Она навсегда ушла из его жизни. Давно кончилось время, когда темная головка каждой промелькнувшей в толпе девушки казалась ему головной Марселлы, когда женская фигура где-нибудь в потоке пешеходов или на плохо освещенной улице заставляла его вздрагивать, ибо какое-то мгновение он не сомневался, что это она.

Женщина за столиком, видимо, почувствовав его упорный взгляд, повернулась, и Анри увидел так хорошо знакомый точеный профиль, гладкий лоб, черные глаза под густыми ресницами, красивый нос и теплые, полные губы. Это была Марселла.

Официант поставил перед ним рюмку «перно» и графин воды. Анри медленно вылил вино в стакан с водой, наблюдая, как напиток приобретает дымчато-зеленоватый оттенок. Его рука дрожала.

«Слишком внезапная встреча,— подумал он.— Марселла для тебя ничего не значит. Расплачивайся с официантом и уходи!» Он уже полез в карман за деньгами, но тут его остановила другая мысль: не покажется ли он идиотом, если сбежит?

Анри пытался сосредоточить внимание на других посетителях кафе, смотрел на них и не видел. Словно в калейдоскопе проносились разрозненные картины: крохотная Марселла на коленях у матери в гостиной Магритов — он часто наблюдал эту сцену, возвращаясь из школы; она ребенок, гуляющий с ними в Булонском лесу; она же неуклюжий подросток — Анри почти каждый раз заставал ее в квартире, когда ненадолго прокрадывался туда тайком в первые дни немецкой оккупации; потом очаровательная женщина, которая стала неотъемлемой частицей его самого, его возлюбленной, и дарила ему величайшее счастье. Да, он сразу потерял голову, как только увидел ее ночью в гостиной, после возвращения из По.

Подобно многим другим французам и француженкам, Марселла участвовала в движении Сопротивления. Именно она нашла ему пристанище в Отее. Это была маленькая квартирка на первом этаже с окном во двор и выходом на соседнюю улицу. У консьержки сына угнали в Германию, и она охотно закрывала глаза на все происходившее в доме.

В те дни Марселла работала манекенщицей в ателье на улице Мира; заведение процветало, поскольку немцы вначале благосклонно относились к деятельности подобных предприятий. Ателье посещали главным образом гитлеровцы и сотрудничавшие с ними французы, и Марселла, внимательно прислушиваясь к болтовне клиентов, частенько добывала ценные сведения. Владелец ателье мосье Геркуль тоже был участником Сопротивления; его предприятие служило «почтовым ящиком», а Марселла под видом доставки клиентам готовых заказов поддерживала связь с ячейками Сопротивления в Париже. Девушка носила широкое черное пальто со специальными карманами в подкладке. Она беззаботно бегала по улицам в модной, фантастически огромной шляпе, и никому в голову не могло прийти, что в карманах у нее лежат документы, за которые оккупанты немедленно поставили бы ее к стенке. Да, она была мужественным человеком и много раз только благодаря этому мужеству избегала ареста. Так, немцы узнали адрес конспиративной квартиры, в которой приходилось бывать Марселле, и она не попала в ловушку только потому, что вовремя заметила на лестнице сигнал опасности — плачущего ребенка. В другой раз она торопилась на Монмартр, на явку с Ленотром, приятелем Анри. Гитлеровцы установили награду за голову Ленотра, и одна из манекенщиц ателье, участница Сопротивления, предала его. Однако ей не удалось получить иудины сребреники: спустя несколько дней ее труп обнаружили в Сене с пулей в голове. Марселле удалось избежать участи Ленотра только потому, что она на несколько минут опоздала на встречу.

Марселла ни разу не струсила и не заколебалась, риск и опасность словно пьянили ее. Иногда Анри даже казалось, что она бравирует.

— Я ведь была там,— заявила она Анри,— и немцы могли меня схватить, но не схватили, потому что они дураки. Они посмотрели на мою нелепую шляпу и... Я представляю, что они подумали: «Вот еще одна легкомысленная французская девчонка. С ней неплохо переспать, но арестовывать ее бессмысленно, она глупа, как пробка».

Анри взглянул на Марселлу и увидел у нее на губах холодную улыбку. В ту ночь она отдалась ему.

Сейчас, много лет спустя, вспоминая прошлое, он все еще изумлялся, с каким хладнокровием она воспринимала жизнь. Анри никогда не видел Марселлу озабоченной или взволнованной. Возможно, именно эта невозмутимость влекла его к ней в те дни, когда никто ни в чем не мог быть уверен, когда каждый час любви мог оказаться последним, а очередное прощание — разлукой навсегда.

Анри вспомнил одно утро. Марселла проснулась свежая и жизнерадостная, как свойственно молодости; опершись на локоть и улыбаясь, Анри любовался, как она потягивается, словно котенок. День выдался теплый, проникавшие в открытое окно лучи солнца падали на ее обнаженную грудь. Он ясно представил себе, как она внезапно открыла глаза, взглянула на него и тоже улыбнулась; она порывалась встать, но Анри удержал ее; он играл ее пальцами, на которых она всегда носила два маленьких колечка: одно в форме двух рук, пожимающих друг друга, другое — с крохотным красным камешком. Марселла как-то сказала, что кольцо в виде рукопожатия подарил ей отец в день ее шестнадцатилетия. «Почему это сохранилось в памяти?» — удивился Анри. Возможно, потому, что он не поверил ей, уже тогда заметил, как на мгновение что-то изменилось в ее лице, выдавая только что произнесенную ложь. Быть может, пока он был на юге, она встречалась с другим возлюбленным? И все же Анри хотел верить ей и верил. По ее словам, кольцо приносило счастье, было ее амулетом, а когда он попросил его поносить на мизинце, она надулась и отказала, заявив, что в таком случае он перестанет ее любить. Анри ответил, что после войны наступит день, когда он наденет на ее палец другое кольцо, и оно будет означать любовь навсегда.

Получилось иначе.

Анри посмотрел на темную головку через два столика от него. Нет, не любви она хотела — надежного и теплого местечка под солнцем!

Анри внезапно охватило желание подойти к Марселле, присесть на свободный стул у столика, взглянуть на нее, снова увидеть ее улыбку. Но он не решился. Кого она ждет: мужа-американца, а может, нового любовника? Пусть ждет. Он не даст ей заметить, какую испытывает боль.

Анри отпил глоток «перно» и принялся наблюдать за прохожими. Скоро его внимание привлек переходивший улицу высокий, довольно пожилой мужчина с седыми волосами, длинным, хорошо выбритым лицом и холодными зеленоватыми глазами за стеклами пенсне. Он подошел к Марселле и снял шляпу.

— Извини, дорогая, я заставил тебя ждать,— сказал он, опускаясь на стул.

Больше Анри ничего не слышал. Он допил вино и положил деньги на стол, но, поднявшись, не пошел к выходу, как собирался. Теперь он испытывал не боль, а гнев. Он сделал несколько шагов и остановился перед столиком Марселлы.

— Добрый день, мадам.— Анри поклонился и посмотрел ей в глаза. Нет, ему не показалось, в них действительно промелькнуло не то раздражение, не то неприязнь. Анри насмешливо улыбнулся.

— О! Анри! — воскликнула Марселла таким тоном, словно они встречались только вчера, и протянула ему руку.— Познакомьтесь — мой муж. Том, это мой друг детства Анри Магрит.

Мужчины обменялись рукопожатием и пробормотали несколько приличествующих моменту слов. Анри снова взглянул на Марселлу. Да, она изменилась. Ее красота, искусно обогащенная и подчеркнутая, стала совершенной. Как требовала мода, из темных волос на ее лоб ниспадала серебристо-светлая завитая прядь. Ее зеленый льняной костюм, несмотря на строгую простоту, был, несомненно, сшит одним из лучших портных; с бриллиантовыми серьгами в ушах и бриллиантовой брошкой на костюме она выглядела очень эффектной.

— Присоединяйтесь к нам, мосье Магрит,— предложил ее муж.

— Благодарю, я тороплюсь на свидание. Рад был снова встретиться с вами, мадам.

ПОВЕСТЬ

Д. С. СТРЭЙНДЖ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43, 44.

ЬБЕРТ ЕТ ИЦО

Он повернулся и, по-солдатски выпрямившись в своем потрепанном костюме, направился к станции метро.

Чудесная погода заставила чуть не весь Париж выйти на улицу. Огромные купальни на берегах Сены были переполнены, как и прогулочный катер «Муха», пробиравшийся по реке мимо острова Сен-Луи, напротив квартиры Магритов, где Аник, младшая сестра Анри, одевалась перед тем, как отправиться в гости.

Семнадцатилетняя девушка хорошо понимала важность предстоящего визита и потому одевалась весьма старательно; тщательнее, чем обычно, вымыла лицо и руки, столь же тщательно расчесала волосы — все это под руководством и по советам экономки мадам Монсо. Мадам работала у них уже пять лет и теперь считала себя полноправным членом семьи.

— Аник, ты становишься премиленькой. О твоей помолвке, а не этой толстой коровы Леонтины я хотела бы слышать... Довольно, не то сдерешь кожу с лица... Ну что ж, вероятно, через годик и у тебя появится суженый.

Аник почувствовала, что краснеет. Приятно слушать, когда тебе говорят комплименты, другое дело, когда твою лучшую подругу, которой ты поклялась в вечной дружбе и верности, называют «толстой коровой».

— Я рада за Леонтину,— ответила Аник.— Она выходит замуж по любви.

Мадам Монсо передернула плечами.

— Когда имеешь мешок денег, можно позволить себе такую роскошь.

— Это вы напрасно, мадам. Рауль обожает Леонтину. Ее деньги тут ни при чем. Хотя,— добавила она с забавной гримаской,— немножко денег никогда не мешает.

Аник закрыла за собой тяжелую дубовую дверь и запрыгала по ступенькам вниз, но вспомнила, на какое важное событие отправляется, и умерила прыть. Впервые в жизни ее пригласили на чай к родителям молодого человека, с которым была помолвлена ее подруга.

Все так же чинно перешла она по узенькому мостику на остров Сите. Лучи солнца падали на ее счастливое лицо, на розовощеких детишек, игравших в саду позади Собора Парижской богоматери, на его стремительно взметнувшиеся ввысь контрфорсы. Она много раз проходила здесь с отцом. Сразу же за узкой протокой находилась «Галерея Магрит», где ее отец покупал и продавал картины, гравюры, литографии — работы великих людей, о которых она слышала с самых малых лет: Сезанн, Матисс, Ренуар, Тулуз-Лотрек... Аник с любовью взглянула на хорошо знакомый подъезд, на чуть покривившуюся вывеску «Галерея Магрит», на книжные ларьки вдоль набережной. Спохватившись, что опаздывает, она поспешно перешла Новый мост, чуть не бегом пронеслась по набережной и свернула в лабиринт улочек на левом берегу.

Семья Леонтины проживала на окраине старого города с узенькими, кривыми улицами и переулками, где дома, казалось, опирались друг на друга и безраздельно господствовало средневековье.

Из двери своей каморки высунула голову консьержка.

— Ах, это вы? Мадемуазель Леонтина уже трижды справлялась о вас.

— Добрый день, мадам,— поздоровалась Аник.— Я сейчас поднимусь.

На лестнице послышались шаги.

— Не торопитесь, мадемуазель,— фыркнула консьержка, давая понять, что она не одобряет поведения Леонтины.— Вашей подружке прямо-таки не терпится. Но ничего, она еще хлебнет горя.

Спускавшаяся по лестнице девушка была чуть выше Аник и значительно полнее ее, со счастливым, добродушным, но непривлекательным лицом. Конечно, на «толстую корову» она не походила, но за крупного, хорошо откормленного теленка вполне могла сойти.

Леонтина не спеша спустилась по лестнице, холодно кивнула консьержке и вместе с Аник величественно выплыла на улицу. Консьержка крикнула им что-то вдогонку — несомненно, оскорбительное, но Аник не расслышала.

— Старая любопытная шлюха,— пробормотала Леонтина, предварительно убедившись, что ее никто не слышит.

Девушки дошли уже до площади Вогезов, когда произошло нечто странное.

Аник остановилась под аркой и посмотрела через площадь. Вначале ей показалось, что она видит картинку из книжки сказок. Маленький, хорошо ухоженный парк, крошечная нарядная эстрада для оркестра, выкрашенная в серебристо-серый цвет, крытая галерея над тротуаром, обегавшая всю площадь, кирпичные дома. Много столетий пронеслось над ними, но они не изменились, только стали еще величественнее, еще больше волновали воображение, как старинные, много пережившие вещи; кусочек отбитого носа у головки барельефа над одним из продолговатых изящных окон, покосившаяся, словно от усталости, дымовая труба, выщербленные каменные балюстрады маленьких декоративных балконов.

«Прямо-таки картинка к сказке!» — подумала Аник. Но почему вдруг она почувствовала какое-то беспокойство? Почему возникло ощущение, будто ей уже известно, что произойдет дальше? Почему она знала, что надо пройти под аркадой, а на углу свернуть направо? Отчего она ни минуты не сомневалась, что нужно свернуть вот в этот двор и вот через эти ворота...

Аник уже давно молчала. Леонтина с удивлением взглянула на приятельницу и заметила, как она бледна.

— Ты что же, трусишь? Не надо, милая! Мы идем к очень симпатичным людям.— Тем не менее и сама Леонтина явно волновалась, судя по тому, как нервно подтягивала перчатки на руках и убирала под шляпу выбивавшуюся прядь волос.

Аник медленно повернула голову направо. Еще не видя, она уже знала, что там находится фонтан с изображением сидящей женщины и маленькой девочки, припавшей к ее колену и наблюдающей, как льется струйка воды из кувшина с длинным носиком. На краю бассейна сидела бедная маленькая пичужка с отломанным крылом... Откуда ей все это известно? Она же никогда здесь не была, никогда не стояла в этом дворе, никогда не видела бассейна и не плакала над изувеченной птичкой.

Леонтина начала проявлять нетерпение.

— Ну идем же! О чем ты размечталась? Мы опаздываем.

Аник рассеянно повернулась и пошла направо, мимо фонтана.

— Нет, нет, не туда! — резко окликнула ее Леонтина.— Да что с тобой?

«Но здесь всегда поворачивают направо! — билась мысль в голове Аник.— К маленькой двери в стене...»

— Не знаю,— ответила она.— Просто странно.

— Это от жары,— рассудительно заметила Леонтина.— Вот выпьешь чаю, и все пройдет.

Уже поднимаясь по лестнице, Аник почувствовала себя лучше. Это была незнакомая ей, но вполне обыкновенная лестница, как и сотни других. К тому времени, когда они добрались до дверей квартиры семьи Веронов, Аник почти совсем успокоилась.

Мадам Верон была в черном платье, обычном для француженок средних лет; седовласый, хрупкого сложения, но державшийся с достоинством мосье Верон напомнил Аник отца; мальчишеское лицо Рауля выражало смущение. Квартира была оклеена темно-красными обоями с рельефными золотистыми узорами и обставлена темной громоздкой мебелью в стиле ампир. Все это напоминало Аник ее родной дом и, хотя и чужое, казалось уютным и знакомым.

Теперь Аник испытывала даже удовольствие. Чай и тоненькие ломтики намазанного маслом хлеба, поданные по-английски, никогда еще не казались ей такими вкусными. Лишь после того как горничная в кружевном фартучке подала сладости на серебряном блюде, к девушке вернулось прежнее странное ощущение. Аник посмотрела на простое, утомленное лицо горничной, на ее белый воротничок и кружевной фартук. Еще не взглянув на блюдо, она уже знала, что на нем лежат засахаренные орехи, и ее напугало, что она знает это. Из вежливости она взяла орех, хотя и не хотела. Никогда еще за всю свою жизнь Аник не ела дорогих сладостей, только видела их на витринах кондитерских магазинов, но сейчас, еще не попробовав, знала их вкус.

Аник в смятении отставила чашку и обнаружила, что все на нее смотрят.

— Сегодня с ней уже происходило такое же,— проговорила Леонтина.— Это от жары.

— Бедняжка! — озабоченно сказала мадам Верон.

— Ничего,— сконфуженно пробормотала Аник.— Не беспокойтесь, мадам, это пройдет... Мне уже хорошо.

Она растерялась и покраснела. Если бы только она могла придумать какое-нибудь объяснение! Но ничего не приходило ей в голову. Не могла же она заявить, что испугалась засахаренных орехов!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Гараж, где работал Анри Магрит, находился на бульваре Клиши, почти рядом с площадью Пигаль. Район этот был скопищем вертепов. Ночные клубы и ресторанчики захватили не только верхние этажи, но и подвалы. На бульваре, сразу же напротив гаража, разместился ночной клуб, открытый уже после войны. Рядом с позолоченной дверью висел плакат с грубо намалеванной женщиной в черном кружевном корсете с узенькой талией, большими бедрами и надписью «Марго». Над дверью горели неоновые буквы: «Клуб Монмартр». В дневное время заведение не работало, однако Анри, ремонтируя мотор или заклеивая покрышку, часто поглядывал сюда через открытую дверь гаража.

Гараж был маленький; кроме Анри, в нем работали еще два механика и старый эльзасец-уборщик — он приходил по утрам помыть пол и подмести тротуар. Владелец гаража мосье Марин, старый, страдающий ревматизмом, фактически передоверил все дела племяннице мадемуазель Берте.

На другое утро после выходного дня в гараже царила тишина, работы почти не было; эльзасец Жан закончил уборку и ушел. Анри стоял, опираясь о косяк распахнутой настежь двери, время от времени обменивался с Бертой короткими фразами и наблюдал за стариком, подметавшим тротуар на другой стороне улицы, перед клубом.

Анри плохо спал в ту ночь, и сейчас это давало себя знать. Лег он поздно и все время вертелся на жестком матрасе, вспоминая прошлое, давно, казалось, забытое и похороненное. Изнывая от жары, чувствуя, как раскалывается у него голова, Анри безучастно следил за ленивыми движениями старика, еле-еле ворочавшего метлой; ее шарканье действовало раздражающе.

Анри хорошо знал распорядок этого ночного заведения — время прихода уборщиц, официантов, важного повара и высокого, стройного швейцара, который всегда приезжал в одном и том же поношенном коричневом костюме, а затем появлялся у дверей в пышной светло-голубой форме с золотым шитьем. Марго приезжала на шикарной американской машине в сопровождении смуглого, похожего на испанца мужчины. Он присутствовал на всех ее выступлениях и выдавал себя за скупщика товаров для одного из ателье мод в Буэнос-Айресе.

Анри знал в лицо и жену владельца клуба мадам Пуссин — она приезжала на автобусе точно в полдень, чтобы лично наблюдать за уборкой, осмотреть купленные на рынке продукты и испортить настроение повару, с которым вечно грызлась. Невероятно тучная, она, прежде чем проковылять через улицу к клубу, иногда останавливалась у дверей гаража и обменивалась с Бертой несколькими словами. Изредка она удостаивала Анри кивком, но чаще лишь взглядом.

Да, Анри многое знал о «Клубе Монмартр», был знаком кое с кем из его служащих, например, с метрдотелем — они иногда вместе пили кофе или пиво в соседнем кафе на углу, с Лореттой, одной из девиц заведения, однажды поведавшей ему печальную историю своей жизни, и со швейцаром — тот утверждал, будто он русский князь, что, возможно, соответствовало действительности.

Спустя некоторое время на бульваре Клиши, сияя начищенным кузовом, появился американский автомобиль, казавшийся настоящим мастодонтом среди французских, итальянских и английских машин, мельтешивших по улице подобно водяным клопам на поверхности пруда.

— А вот и мосье Пуссин,— сообщил Анри Берте.

Владелец «Клуба Монмартр» Пуссин в отличие от своей супруги приезжал на машине. Он появлялся по утрам и около часа проводил над бухгалтерскими книгами. Свою машину Пуссин оставлял в гараже, где ее каждый раз осматривали, выбивали пыль из обивки, полировали до блеска кузов.

Берта, как всегда в таких случаях, вышла на порог.

— Доброе утро, мосье Пуссин.

Пуссин по обыкновению что-то буркнул,— он лишь иногда считал необходимым соблюдать вежливость. Это был внушительного вида человек, более шести футов ростом, широкоплечий, однако никто не назвал бы его атлетом — слишком он располнел и обрюзг. У Пуссина был ворчливый и пронзительный, почти женский голос.

— Машина потребуется через час,— сказал он.— Наполните бак.

— Слушаюсь, мосье.

Анри и Берта не спускали с него глаз, пока он не спеша пересекал улицу.

— Скотина,— равнодушно бросила Берта.

— Вот именно!

Черные глаза Берты загорелись злорадством.

— Друг моей сестры — инспектор Брюн из префектуры — рассказал ей, что полиция наблюдает за этим клубом. Подозревают, что в нем торгуют наркотиками.

Анри пожал плечами. О «Клубе Монмартр» ходило немало разных слухов. Утверждали, например, что Пуссин владеет миллионами, что он скряга, гомосексуалист, импотент, что его интересуют только деньги и его шикарная американская машина. Сообщали, будто «Клуб Монмартр» принадлежит вовсе не ему, он лишь подставное лицо какого-то таинственного незнакомца, который якобы использует этот притон для продажи наркотиков.

Анри провел рукой по горячему лбу. Головная боль усилилась, в памяти упрямо всплывало то, о чем он не хотел думать. Он через силу приступил к работе, но пока орудовал щеткой, протирал машину и наводил блеск, его нервы начали успокаиваться, а головная боль несколько ослабевать. Все-таки Женэ не прав. Хорошо заниматься физическим трудом, чувствовать, как сорочка намокает от пота, не думать ни о чем, кроме того, что надо как следует начистить машину и отладить мотор. Главное — не думать. Ему осточертело думать. Сегодня вечером он отправится в кафе «Два чучела» и выпьет. Возможно, там будет и Селестина.

Автомобиль, очевидно, был сделан по особому заказу, сверкал серебряной фурнитурой, а внутри был обит мягкой блестящей кожей. Анри открыл правую дверцу и нагнулся, намереваясь проверить подушки сиденья водителя. Из бокового кармана его голубой сорочки выпал карандаш и закатился в щель между сиденьем и спинкой.

Досадливо ругнувшись, Анри влез в машину и принялся прощупывать щель. Ухватить карандаш кончиками пальцев оказалось невозможно, и Анри, слегка выдвинув подушку, просунул ладонь в щель. Ощутив под рукой какой-то плоский упругий предмет, он потянул его на себя. Это была обложка из искусственной кожи вроде тех, в которые вставляют фотографии и носят в кармане. Она состояла из двух половинок, прикрытых целлофаном. В обложке Анри обнаружил лишь одну фотографию — дешевый снимок, какие делают на скорую руку на ярмарках. Анри взглянул на снимок и брезгливо сморщился. Там были сняты двое: Пуссин и тщательно выбритый, светловолосый красивый юноша с глупой, самодовольной улыбкой.

Поколебавшись, Анри положил обложку на место. В конце концов снимок не представлял для него никакого интереса.

В полдень Берта позвала Анри к телефону. С нескрываемым любопытством она сообщила, что с ним хочет поговорить какая-то дама. Анри удивленно поднял брови, прошел в конторку и демонстративно закрыл за собой дверь.

Анри думал, что звонит мать, собираясь пожурить его за то, что он давно не заходит, или, возможно, Аник. Но оказалось не так. Он сразу узнал этот низкий, спокойный голос.

— Анри? Говорит Марселла. Едва разыскала тебя, мой друг. Твоя мамаша, видимо, не хочет, чтобы я с тобой увиделась.

Анри прекрасно знал, что мать терпеть не может эту женщину, которую так любила, когда та была девочкой, но какая мать питает симпатии к любовнице своего сына? Он пробормотал в ответ что-то невразумительное.

— Наконец я вспомнила о Лашене, нашем общем знакомом по Отею, помнишь? Он сказал, что ты работаешь в гараже. Это же неправда?

— Нет, правда.

Анри услышал, как она тихонько рассмеялась.

— Невероятно! Впрочем, ты всегда был оригиналом. Очевидно, поэтому-то ты все еще мне нравишься.

Анри почувствовал, что его трясет.

— Что тебе нужно? — резко спросил он.

— Мне нужно, чтобы ты пригласил меня куда-нибудь пообедать.— Теперь ее голос уже не казался ему таким спокойным.

— Что ж, как-нибудь вечером это можно будет сделать,— немного помолчав, ответил он.

— Не «как-нибудь», а сегодня. Утром мой муж улетел во Франкфурт и вернется только завтра. Скоро мы уедем в Америку.

«В Америку? — подумал Анри.— Тем лучше. Но на что я надеюсь, чего хочу?»

— Невозможно, мадам. Я работаю в гараже. У меня нет денег на посещение ресторанов со светскими дамами.

— В таком случае в какой-нибудь маленький дешевый ресторанчик, куда не заглядывают американцы. Вроде тех, где мы бывали в свое время.

— Марселла, ты что, сошла с ума? Почему ты хочешь со мной встретиться?

— Например, в ресторане «Добрая хозяйка» в Отее.

— Только не в Отей.

— В восемь часов вечера.

— Я не приду.

— Я буду ждать и вспоминать убогую комнатушку, в которой мы были так счастливы.

Анри ничего не ответил и медленно, дрожащей рукой повесил трубку.

Даже в шесть часов вечера, собираясь покинуть гараж, он все еще думал, что не пойдет на встречу.

Анри пожелал Берте доброй ночи и вышел в горячий, неподвижный свет раннего вечера.

В «Клуб Монмартр» мальчик только что доставил корзину золотистых батонов хлеба. Пришел знакомый Анри метрдотель и, прежде чем войти в клуб, поздоровался с ним.

В киоске на углу Анри купил вечернюю газету, уселся за столик на тротуаре перед маленьким грязным кафе, заказал чашку кофе и развернул газету.

О расследовании, предпринятом Женэ, ничего не сообщалось. Полиция проводила его в большом секрете, и пока что в прессе на сей счет не появлялось даже намеков. Птицы, о которых шла речь, скрываются при первых же признаках опасности.

Официант принес заказ, и Анри, отложив газету, принялся отпивать маленькими глотками горячий черный кофе. Почему Марселла позвонила ему? Что ей нужно? Почему бы и не пойти навстречу ее желаниям?

Анри расплатился и встал из-за столика. На углу он остановился и долго рассматривал в темной витрине свое неясное отражение. Он не был тщеславен, но, как все мужчины, обладал известной самоуверенностью. Что она нашла в его тонкой, жилистой фигуре, не очень красивых губах и голубых глазах? Может, она понимала, что он все еще любит ее? Может, ей было приятно проявить свою власть над ним, делать с ним все, что ей нравится?

Нет, он не пойдет. Зачем снова мучиться только ради того, чтобы доставить ей удовольствие? Пусть отправляется в Америку, катается на лимузинах, живет во дворцах, носит бриллианты и американский паспорт. Какое ему дело?

В половине восьмого Анри сел за столик в садике «Доброй хозяйки» и заказал аперитив. Отправляясь в ресторан, он тщательно вымылся и надел лучший костюм. В этом заношенном костюме он чувствовал себя неловко и потому держался вызывающе. Он почти не сомневался, что Марселла не придет, но тем не менее посоветовался с хозяином об обеде и вине. Анри

Латвия.

НА НАШИХ ВКЛАДКАХ—ТАНЦЫ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Азербайджан.

Узбекистан.

Казахстан.

Украина.

Грузия.

Таджикистан.

объяснил, что ожидает даму и что обед должен быть очень хорошим — все самое лучшее. Ему и в голову не пришло, как напоминал он в этот момент отца.

Марселла явилась значительно позже восьми. Как только Анри встал и, склонившись над ее рукой, прикоснулся к ней губами, все его сомнения исчезли, словно в тени деревьев в этот мягкий летний вечер к нему вернулась его потерянная любовь.

Анри подумал, что накануне он неправильно судил о Марселле. Она не изменилась, только еще больше похорошела.

Перехватив на себе его взгляд, Марселла улыбнулась.

— Ты стал таким интересным, Анри, еще более интересным, чем я тебя помню. И еще в тебе что-то есть... Да, ты же страдал, мой бедненький!

— Из-за тебя.

— Из-за меня? Сомневаюсь.— Она опять улыбнулась.— Но тебе это очень идет.— Она посмотрела ему в глаза, но почти сразу отвела взгляд.— Как хорошо, что ты пришел! Я так давно одна! Сейчас я вижу только американцев, и мне с ними неинтересно.— Марселла сделала гримаску, означавшую одновременно и удивление и насмешку над собой.— Я так давно не была в Париже! Мои друзья или разъехались, или позабыли меня. Ты знаешь, что мой отец умер?

— Да, Марселла. Очень жаль.

— В последнее время мы редко виделись. Он, кажется, не одобрял мое поведение.

— Да?

Марселла отодвинулась, чтобы дать возможность хозяину ресторана накрыть стол, потом равнодушно заметила:

— Как не одобряют твоя мамаша и Аник.

Это, конечно, трудно было отрицать.

— Они не могут простить меня за то, что я причинила тебе боль. А я, может быть, и сама себе не простила.— На мгновение взгляд ее бархатисто-черных глаз остановился на нем, и он невольно потянулся к ней.

— Марселла!

Она взяла вилку и съела кусочек жаркого.

— Чудесно! Я уже начала забывать, какой вкусной может быть еда! Даже самое хорошее, но невкусное быстро надоедает.

Анри не сводил с нее глаз.

— Ты скучаешь в Париже?

— Иногда.

— Но ты же сама как-то сказала, что с деньгами в Париже не соскучишься.

— Да? Видишь ли, так бы оно и было, если бы не Том. Уверяю тебя, где Том, там и скука... Умру я в этой Америке.

— А ты уговори его вернуться в Америку без тебя. Мужья-американцы, я слышал, легко поддаются на уговоры.

— Только не Том,— равнодушно ответила Марселла.— Купив что-нибудь, он сейчас же застраховывает покупку, чтобы, упаси бог, не остаться в дураках. А потом мне еще нужно закончить некоторые формальности с получением гражданства.

— Об этом я не подумал. Ты теперь американская гражданка?

— Должна еще принести присягу.

— Не уезжай, Марселла. Отправь его одного. Не уезжай! Что тебе Америка?

Марселла помолчала, потом деловито ответила:

— Паспорт.

— Ах да, американский паспорт!— сердито воскликнул Анри.

— Не говори глупостей, Анри. Да, это клочок бумаги, самый настоящий клочок, но вместе с тем самый ценный на свете.

— Но есть его, или носить, или любить ты не можешь. Как тебе не стыдно, дорогая! Ведь это же позорно, честное слово!

— Вовсе нет. Обычная сделка. Товар за товар.

— Он это знает — твой муж?

— Я бы очень удивилась, если бы не знал.

Анри умолк, а Марселла в наступившем молчании с удовольствием принялась за обед.

— Чересчур уж близко принимаешь ты все к сердцу, мой милый. Что тебе-то? Я здесь, и мы вместе. Надо наслаждаться счастьем, пока можно.

Пожалуй, она права. Во всяком случае, было хорошо сидеть вот так в саду в мягкие парижские сумерки, неподвижные и душные, и ощущать разгоряченным лицом прохладное дуновение ветерка. Хозяин сам наливал им вино, то и дело поворачивая бутылку в ведерке с постукивающими кусочками льда; он выполнял этот ритуал с тем заботливым интересом, с каким все французы относятся к сердечным романам, особенно если дама хороша собой.

Они заговорили о прошлом, о знакомых и товарищах по работе, о том, что с ними стало.

— Ты так ничего и не узнал о Робере?

— Нет.

— Бедняжка!— Она ласково положила свою руку на его. Анри снова увидел у нее на пальце маленькое дешевое колечко в форме соединенных в рукопожатии рук и почувствовал, как у него сжалось сердце.

— Ты все еще носишь свое счастливое колечко?

Ее пальцы чуть дрогнули.

— Да, всегда.

— Рядом с твоими бриллиантами оно выглядит довольно странно.

— Ну и что? Амулет, приносящий счастье, всегда нужен.

— А помнишь, я его попросил у тебя, а ты не дала.

— Помню,— ответила Марселла, помолчав.

Он крепко сжал ее ладонь.

— В чем дело, Марселла? Чего ты от меня хочешь?

— Иногда, Анри, ты бываешь очень глуп.

— Ты хочешь получить удовольствие? Хочешь, чтобы мы отправились в какую-нибудь гостиницу?

— Нет, нет! Как ты можешь думать? Даже если бы я и хотела,— добавила она с полуулыбкой,— риск слишком велик.

— Раньше ты не думала о риске.

— Верно. Но тогда, вероятно, я не рисковала столь многим. Ты не знаешь Тома. Он же убьет меня.— Марселла вздрогнула, но, как показалось Анри, нарочито.

— Нет, твой супруг не убьет тебя.— Он насмешливо посмотрел на Марселлу.— Американские мужья не убивают неверных жен, они разводятся с ними. Такой вариант тебя не устраивает, правда?

— Совсем не устраивает,— холодно подтвердила Марселла и убрала руку.

— Я для тебя ничего не значу, не так ли? Ты хочешь лишь позабавиться вечерок? — Голос Анри дрожал от гнева.

Марселла удивленно взглянула на него.

— Почему ты должен для меня что-то значить? Все давным-давно кончено.

— Неужели у тебя нет сердца, Марселла? Ты никогда не любила меня?

— Любила, ты знаешь.— Она помолчала.— Я была так молода! А потом все эти разговоры о любви... Что это за любовь, о которой ты столько твердил? Я так и не могла понять. Любовь, Анри, должна быть приятной, не следует принимать ее всерьез.

На короткое время сердце у него растаяло, словно вместо ее лица он увидел озадаченное лицо девочки, которую когда-то знал; он вновь вдохнул аромат ландышей и зелени в долине Шеврез, снова увидел развевающиеся черные волосы ребенка, бегавшего под деревьями. Однако Анри тут же вновь рассердился, ибо теперь она не была ребенком.

— Почему ты меня бросила, Марселла? Почему? Не думаю, что ты была потом счастлива.

Марселла изящным пальчиком что-то чертила на столе.

— Ты хочешь услышать от меня, что я сделала ошибку? Это доставит тебе удовольствие?

— Ты была счастлива с другим?

— Нет,— тихо ответила она,— но мне надоели меблирашки, вся убогость...

— Отсутствие бриллиантов,— мрачно добавил Анри.

Ему показалось, что она снова вздрогнула — на этот раз помимо своей воли.

— Кто он, Марселла?

— Какое это имеет значение? Прошло столько времени.

— Это не твой теперешний муж Том, фамилии которого, кстати, я до сих пор не знаю.— Он остановился, но Марселла промолчала, и Анри продолжал: — Тогда американцев еще в Париже не было.

— Да, это был не Том.

— Странно, я о нем ничего не слышал. Обычно в Париже можно услышать все.

— Но в то время тебя не было в Париже.

— Да, не было.

Анри тогда снова призвали в армию, и он воевал в Германии.

Некоторое время оба молчали. «Неужели я никогда не заставлю себя забыть ее? — с тоской думал Анри.— Но чего я, собственно, хочу? Отнять ее у этого американца?· Предположим, я смогу. Но захочет ли она?»

В саду стояла тишина. Почти все посетители уже разошлись, кроме них, оставалась только одна пара — юноша и девушка; поглощенные друг другом, они держались за руки, положив их на столик.

— Когда ты уезжаешь? — спросил наконец Анри.

— Скоро, через неделю-другую. Сразу же после возвращения Тома.

— Ты же сказала, что он возвращается завтра.

— Видишь ли, это не совсем так. Мне хотелось с тобой встретиться именно сегодня.

— Следовательно, я смогу видеть тебя неделю-другую?

— Почему же нет?

— Не знаю. Возможно. Я... позвоню тебе.— Голос у него дрогнул.

Марселла сообщила ему свою теперешнюю фамилию и номер телефона — мадам Томас Бригс Горхэм, гостиница «Ритц».

— Банкир,— заметил Анри.

— Да, но сейчас работает в Экономической комиссии.

Будет даже интересно, подумал он, отнять ее у Томаса Бригса Горхэма. Никогда еще она не казалась ему такой желанной, и в то же время он понимал, что, если бы Марселла сама бросилась ему на шею, все равно пришлось бы отказаться от нее.

— Так ты позвонишь мне, Анри?

— Возможно.

Собирая свои вещи — сумочку и перчатки,— Марселла слегка улыбалась.

Анри уплатил по счету, и они вышли. Через открытую дверь хозяин и его жена видели, как он усадил Марселлу в такси, а сам отправился пешком.

Хозяин удивленно сморщил лоб и пожал плечами, а его супруга заметила:

— Рассорились.

Хозяин задумчиво тронул себя за нос.

— Не думаю. Иногда многое происходит от избытка любви.

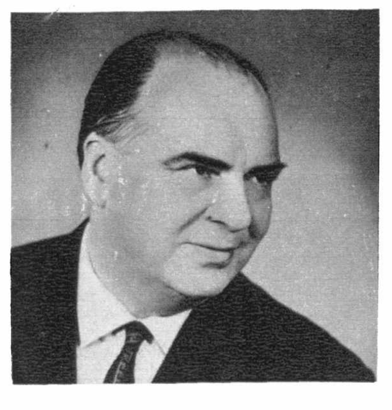
— Нет, вы только послушайте его: «Избыток любви»!— рассмеялась жена.— Эта красивая дама любит только себя.

Хозяин закатил глаза, шутливо изображая восторг.

— И все же как она красива!..

Продолжение следует.

К 70-ЛЕТИЮ НАРОДНОГО АРТИСТА РСФСР Н. И. РЫЖОВА



МАЛЫЙ ТЕАТР И РЫЖОВЫ

Спросите любого актера, легко ли переходить в другое «возрастное» амплуа. Вряд ли кто-либо весело заулыбается в ответ: ведь такой переход — это рубеж, трудный для всякого артиста. А вот мне было удивительно и радостно наблюдать то философское спокойствие, с каким мой старый друг Николай Иванович Рыжов перешагнул этот рубеж, переменив роль сына на роль отца в «Ярмарке тщеславия», постановку которой мы недавно возобновили.

Мужество? Да! Но еще и широта духовного диапазона артиста, еще и разносторонность дарования, позволявшие Николаю Ивановичу Рыжову и раньше браться за совсем непохожие друг на друга роли, характеры, изображения людей самых различных возрастов, эпох, национальностей... Ему удавалось равно правдиво показать на сцене Василия Грязного в «Иване Грозном» и декабриста Пущина в «Нашем современнике», Джозефа Седли в «Ярмарке тщеславия» и русского солдата Блохина в «Порт-Артуре»...

Театральная родословная артистов Бороздиных-Музиль-Рыжовых была начата в Малом театре еще в середине прошлого века прабабушками Николая Ивановича, одна из которых — Варвара Васильевна — была большим другом А. Н. Островского. Она играла во всех его пьесах, получая роли прямо «из рук» писателя. Потом все эти роли перешли к Варваре Музиль-Рыжовой, матери Николая Ивановича. Дружба семьи с Островским, рассказы о нем бабушки, матери не могли не повлиять на творческую биографию артиста. Потому так естественна его особая любовь к своим ролям в пьесах «Лес», «Бедность не порок» и особенно «Волки и овцы»: образ Лыняева и по сей день остается одним из самых дорогих сердцу артиста.

На мой взгляд, очень интересна работа Н. И. Рыжова последних лет — Харитонов в «Старике» М. Горького. Здесь обличительно-сатирический талант артиста получил, может быть, наиболее полное звучание...

В этом сезоне Николай Иванович Рыжов отмечает свое полувековое служение Малому театру, на сцене которого уже играет представительница пятого поколения династии — Татьяна Николаевна Рыжова, дочь Николая Ивановича. Верная семейной традиции, она приняла от отца актерскую эстафету.

Прошло много лет с тех пор, как мы с Колей Рыжовым пятилетними сорванцами мечтали о путешествиях — о сказочных странах, о неведомых людях... Многие мечты эти сбылись в моих путешествиях по жизни, потому что прошла она в ближайшем соприкосновении с замечательной театральной семьей Рыжовых.

Народный артист СССР
Игорь ИЛЬИНСКИЙ

Если заглянуть в магазин с улицы...

К. БАРЫКИН,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото Н. АНАНЬЕВА.

БЫТ, ТОРГОВЛЯ, ЭКОНОМИКА

ЭКСПРЕСС НА УЛИЦЕ ЗАМШИНА

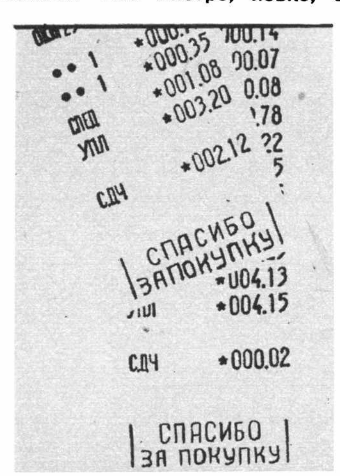
Не ищите это слово — «универсам» — в толковых словарях: его там нет. Оно войдет в них, шагнув на книжную страницу с ленинградской улицы Замшина.

...Условился с приятелем: он отправляется на Невский, в бывший елисеевский магазин; я еду на улицу Замшина, в только что открытый универсам. До того мы обстоятельно разработали «операцию», определили перечень товаров — сыр, ветчина, компот, по бутылке вина, конфеты, торт... Вошли в торговые залы, включили секундомеры и приступили к покупкам. Через четыре минуты тридцать семь секунд я подошел к кассе. Еще через минуту получил чек, на ленте которого ладным рядком были указаны: цена каждого товара, сумма за все, размер врученной кассиру купюры и причитающаяся с нее сдача. Внизу чека тем же кассовым аппаратом, взявшим все заботы о четкости и быстроте расчета, было припечатано: «Спасибо за покупку!» Чек остается у покупателя: это для того, чтобы проверить...

Перекладываю все в портфель и звоню на Невский. Мой товарищ еще только подбирается к середине дистанции. В одном из популярнейших магазинов Ленинграда на покупку тех же товаров, что я купил в универсаме за минуты, потребовался почти час.

Достоинства универсамов особенно четко просматриваются именно при их сравнении с магазинами со старыми формами торговли. Эти преимущества подчеркиваются самим названием, которое расшифровывается так — «универсальный продовольственный магазин самообслуживания». Но дело не в названии. За ним — большой труд архитекторов и конструкторов, технологов и организаторов торговли. Они обеспечили современнейшую магазинную «начинку», спланировали соответственно все здание. У магазина есть одна особенность, автором которой является Гипроторг, разрабатывавший конструкцию всего универсама: этот дом не имеет порогов. Вроде бы незаметный архитектурный штрих стал серьезным технологическим плюсом — все расположено на одном уровне, все словно бы катится по гладкому полу.

Подходит автомобиль с продуктами — и никаких подвальных люков: машина въезжает в здание, с помощью механизмов товар быстро разгружается. На тележках или по монорельсу он направляется в холодильники или на прилавки, тоже охлаждаемые. Идет покупатель, а перед ним катится корзинка на колесиках. Все быстро, ловко, без очередей. Это надо особо подчеркнуть — без очередей! Такое вот, одноэтажное, расположение всей «цепочки» на продаже каждой тонны товара позволяет в среднем сберечь до тридцати минут. А магазин за день продает десятки тонн продуктов.



Вот как выглядит чек в универсаме.

Все просто. Но именно в этой простоте и видятся достоинства новых магазинов. Универсам от начала до конца магазин-экспресс. Торговое предприятие, в котором покупка становится делом нехлопотливым. И, кроме того,— быстрым. Здесь нет продавцов в том качестве, в каком мы привыкли их видеть в магазине. Есть консультанты. Здесь нет прилавков. Есть линии стеллажей, на которых лежат тщательно и красиво упакованные в полиэтилен и целлофан продукты. В торце зала, за большим, во всю стену, стеклом — упаковочный цех. Если любопытствуешь, можешь посмотреть, как фасуют всякую всячину. А посмотреть есть на что. Автомат режет ветчину или сыр тонкими ломтями, укладывает их на целлофан и аккуратненько заворачивает. И — на электронные весы. Они указывают точный вес и отбивают на этикетке стоимость порции — копейка в копейку.

Сейчас в стране пока два таких магазина. И оба они в Ленинграде. Ленинградцы немало внимания уделяют повышению культуры торговли, строительству магазинов, которые полностью отвечали бы современному представлению о сервисе, о ритме и темпе торгового дела.

Появлением же своим универсамы обязаны инициативе Министерства торговли РСФСР. И я попросил министра торговли РСФСР Дмитрия Васильевича Павлова высказать свое мнение о новых магазинах. Беседа наша шла в торговом зале универсама.

— Каждый из новых магазинов имеет торговый зал площадью тысяча двести квадратных метров. Ежедневно десять тысяч человек могут сделать тут покупки. В зале — товары полутора тысяч наименований. Предполагаемый ежегодный оборот магазина — около двенадцати миллионов рублей. В ближайшее время такие же универсамы появятся в Москве, Свердловске, Новосибирске, Горьком, Владивостоке, Куйбышеве, Сочи. Многие из этих магазинов откроются в преддверии XXIV съезда партии.

Вы уже имели возможность,— продолжал министр,— убедиться в преимуществах новых торговых предприятий. Широкие проходы между открытыми прилавками-стеллажами; хорошая обозримость всего зала — легко найти нужный отдел; продукты находятся в открытых холодильных шкафах. Все здесь подчинено одной формуле — «удобство». От складов до касс. Весы не только отсчитывают граммы, но и указывают цену товара. В зале — прилавок с предметами хозяйственного обихода.

Магазины оборудованы специальными фасовочными аппаратами высокой производительности — в течение дня ассортимент товаров пополняется много раз, и продукты всегда свежие. Еще один штрих — универсамы имеют самые маленькие издержки обращения.

...Будничный день в универсаме. Поток сумок-колясок. Если кто пришел с малышом, не беда, в коляске есть креслице для ребенка. Ленинградцы умело используют новые формы торговли. Первый заместитель начальника Главного управления торговли Ленинграда И. И. Каштелян познакомил меня с работой нескольких магазинов. В одном удачны интерьеры. Во втором — освещение. В третьем — механизированы почти все трудоемкие процессы. В универсамах же все это собрано воедино. Они удобны для покупателей, выгодны для государства. Новые торговые предприятия отвечают времени, требованиям экономики, экономической реформы. Всего один подсчет: в новом магазине с каждого квадратного метра торгового зала продается в два с половиной — три раза больше товаров, чем в магазинах старой конструкции.

— Мне хотелось бы,— подчеркнул в заключение министр Д. В. Павлов,— отметить инициативу Ленгорисполкома и Ленинградского управления торговли. Они быстро и хорошо построили, открыли два современных универсама, а сейчас готовят третий. Это хороший подарок ленинградцам в пору подготовки к съезду партии.

Универсамы — новая ступень в развитии торговли. Но таких магазинов надо иметь значительно больше. К тому и направлены усилия нашего министерства.

ИДЕТ ПРЕДСЪЕЗДОВСКОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ

Москвичи и ленинградцы досрочно выполнили задания пятилетки по объему производства.

ОБГОНЯЯ ВРЕМЯ

Среди передовых предприятий столицы — 1-й Государственный подшипниковый завод. Его коллектив еще к 6 октября рапортовал: рубеж пятилетки взят.

В канун 53-й годовщины Великого Октября наш фотокорреспондент Б. Кузьмин побывал в цехах 1-го ГПЗ. Там его познакомили с людьми, которыми гордится завод. Вот двое из них — ударники коммунистического труда фрезеровщик М. Д. Мишакин и токарь В. И. Лобанов.

— Свою «личную пятилетку» оба рабочих с честью завершили к столетию со дня рождения В. И. Ленина,— говорит начальник инструментального цеха Николай Васильевич Александровский.— А нужно учесть, что они заняты в отделении холодных штампов на самых ответственных работах: изготовляют для всего завода специализированные, очень сложные штампы, любая деталь в которых, если она сломалась, может быть заменена новой — без доводки! Вес же таких штампов — от полутора килограммов до шести тонн с лишним. Поэтому приходится пользоваться станками от малого до «гиганта». И Мишакин и Лобанов не просто высококвалифицированные рабочие, они влюбленные в свою работу люди. Один из них, токарь Лобанов, заканчивает сейчас машиностроительный техникум.

„ХАССИ-МЕССАУД"

Микрофон разносит команду:

— Разрезать задержник!

Через несколько секунд стальная махина танкера «Хасси-Мессауд» плавно сходит в спокойные воды Невы. Сколько их, больших и малых кораблей, спущенных со стапелей Балтийского завода, пополнило морской торговый флот страны! А теперь балтийцы сооружают мощные суда и по заказам зарубежных фирм. Для Швеции построена целая серия грузовых судов: «Риголетто», «Травиата», «Мадам Баттерфляй». ФРГ сдан рудовоз «Стар Равенна». По заказу Норвегии сейчас собирается рудовоз «Герлин».

В предпраздничные дни тысячи судостроителей собрались у стапеля, на котором возвышался танкер водоизмещением 62 тысячи тонн. На его борту начертано «Хасси-Мессауд» и рядом мелко: «Алжир». Этот современный нефтевоз строился по заказу Алжирской Народно-Демократической Республики и получил имя крупнейшего месторождения нефти в Сахаре. На торжество в честь спуска корабля пришли студенты-алжирцы, занимающиеся в ленинградских вузах, представители алжирской судоходной компании «Кнан».

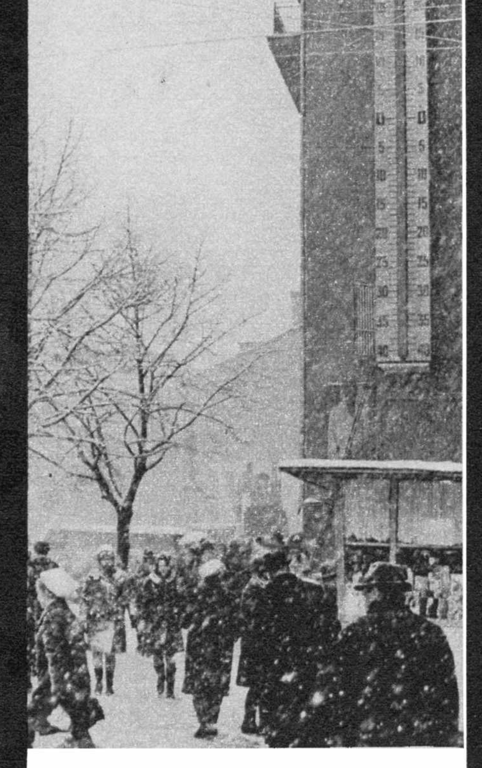
Балтийцы провожают новый танкер радостными возгласами. Гремит музыка. Радуются те, кто строил танкер, и те, кто в скором времени включит «Хасси-Мессауд» в свой торговый флот. Танкер сооружался ускоренными темпами и будет сдан заказчику еще в этом году. Это одно из обязательств судостроителей в честь предстоящего XXIV съезда КПСС. На спуске корабля мы встретили известного бригадира судосборщиков Героя Социалистического Труда В. Смирнова. Этот день был для него особенно радостным. Он строил и провожал в путь мощные танкеры: «София», «Будапешт», «Бухарест», «Пекин»... «Хасси-Мессауд» был шестидесятым кораблем, в строительстве которого принимала участие бригада В. Смирнова.

И. СЫСОЕВА
Фото Н. Ананьева.

СНЕГ НА ГОЛОВУ...

Фоторепортаж
К. КИМРИНА
и И. ТУНКЕЛЯ.

Снежное покрывало.



Сохраняя олимпийское спокойствие, этот огромный термометр никак не отреагировал на первый морозец.

Ухнем...

Балчуг — московский «полюс жары»: тут теплее, чем в любом другом районе столицы. Сотрудник здешней метеостанции Галина Васильевна Гетман и сегодня подтверждает: «Да, теплее. Если сравнивать с районом ВДНХ, то на три градуса». Приезжайте греться!

Сегодня и в зоопарке, как в Арктике.

Синоптики, заглянув и в историю, вывели своего рода формулу московского снегопада. Она подсказывает: за год бывает 25—30 метельных дней. В застроенных районах города число метелей на 5—8 меньше, чем на открытых местах... Есть в этой формуле и одна безусловность: устойчивый снежный покров образуется в конце ноября. Ныне же снеговерть принес последний октябрьский день, когда делались эти снимки. Мы вышли на улицу и растерялись: в десяти шагах ни зги не видно! Вот уж подлинно — как снег на голову...

Не успели сменить транспорт...

На первую тренировку?

Тяжелее стало добывать хлеб насущный.

Осторожнее, снегопад...

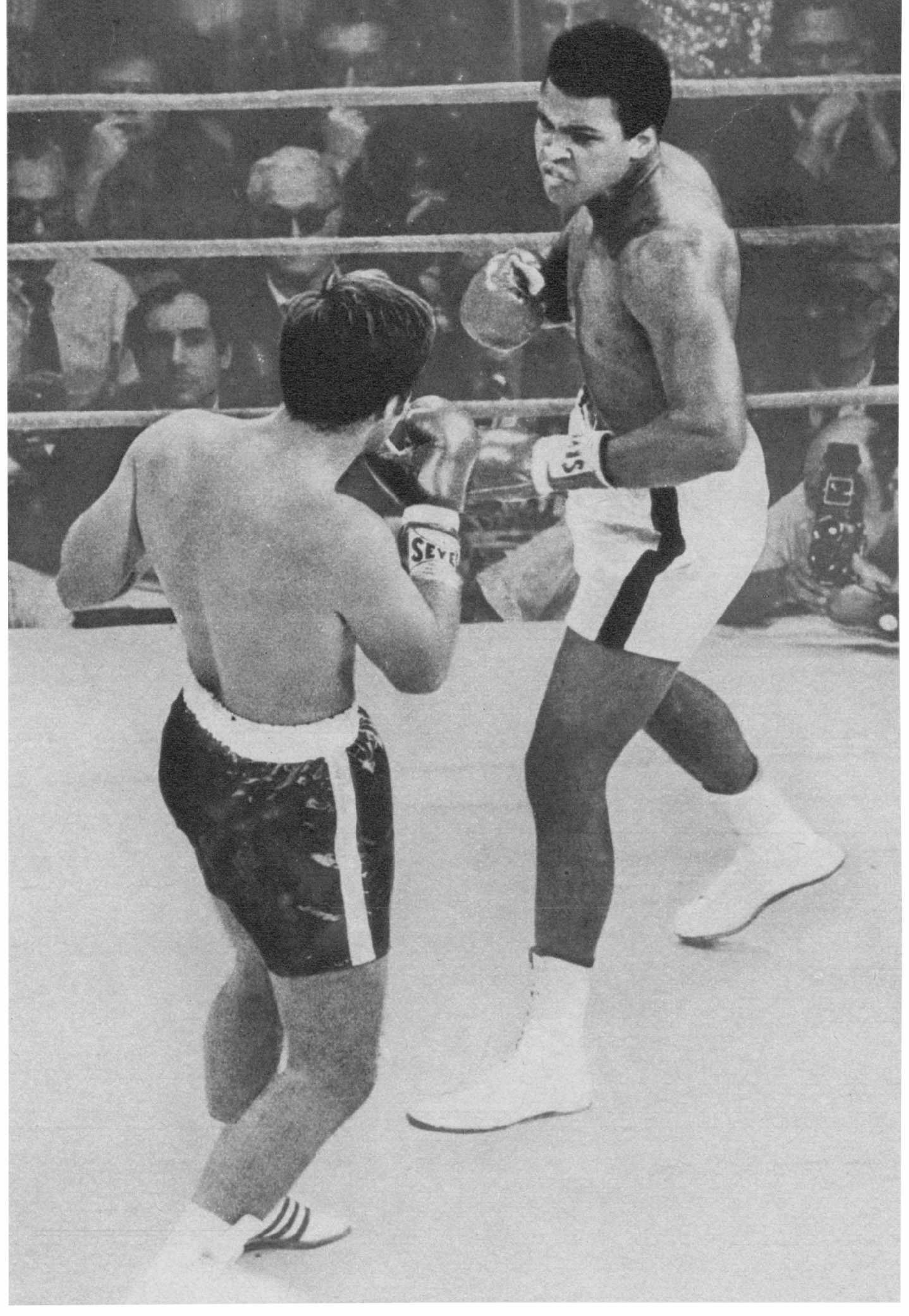


Фото ЮПИ.

На ринге в Атланте 26 октября.

МОЖЕТ ЛИ ВЕРНУТЬСЯ ЧЕМПИОН?..

Начало — на стр. 2.

Матч с Куорри совпал с выходом на экраны нового фильма «Великая белая надежда» — о трагической судьбе Джека Джексона, первого в мире негра—чемпиона мира по боксу. Расисты лишили Джексона звания чемпиона, выгнали из Соединенных Штатов. И когда ему наконец удалось вернуться на ринг, он уже ничего не мог сделать — проиграл своему сопернику, олицетворявшему «великую белую надежду» расистов. О судьбе Джексона Мохаммед Али как-то сказал: «Это моя судьба! Почти моя судьба!»

Тот чемпион не смог вернуться чемпионом. Сможет ли Али? Ответить на этот вопрос утвердительно — очень важно для него. Но политическая, даже социальная окраска матча в Атланте была неизбежной.

С именем Али слишком много связано того, что не умещается на боксерском ринге, чтобы вокруг могли отнестись к этому матчу, как к обыкновенному поединку двух боксеров. Али нужно было доказать здесь свою победу не только над Джерри Куорри, человеком, насколько мне известно, никогда и нигде не осуждавшим взгляды и действия Али вне ринга. Победа должна была быть одержана над расиствующим губернатором Мэддоксом, над судьей в Хьюстоне, над тем, кто собирался послать Кассиуса Клея во Вьетнам, над членами американского легиона, которые по всей стране призывали бойкотировать матч в Атланте.

Как известно, Али победил в этой встрече. После третьего раунда бой был прекращен из-за повреждения глаза у Джерри Куорри. Быстрота победы разочаровала многих любителей бокса, но спортивная форма Мохаммеда Али не разочаровала никого. Куорри, правда, утверждал после матча, что «видел страх в глазах Али», что «не получил ни одного серьезного удара» от него. Но вероятнее всего это обычная реакция проигравшего соперника. У Мохаммеда Али более сильный соперник на ринге — Джо Фрейзер, матч с которым, возможно, состоится в феврале. Но за канатами ринга — враг более опасный.

— Когда начался бой,— комментировал позже Али,— я нервничал и чувствовал напряжение. У меня не было сомнений, что я могу вернуться, но я был сверхосторожен, если вы заметили. Это трудная штука — двигаться, бить и в то же время избегать ударов... У меня было только шесть недель, чтобы подготовиться к этому бою. Будь у меня еще два месяца, я вел бы бой гораздо резче. С Джо Фрейзером будет легче, чем с Куорри.... Мне важно было снова привыкнуть к толпе и к настоящему действию.

В отличие от Али, для которого слова о Фрейзере, возможно, способ психологической обработки своего будущего противника, специалисты говорят, что Фрейзер, конечно, более сильный соперник на ринге, чем Куорри (во время матча Али — Куорри нынешний чемпион мира спал).

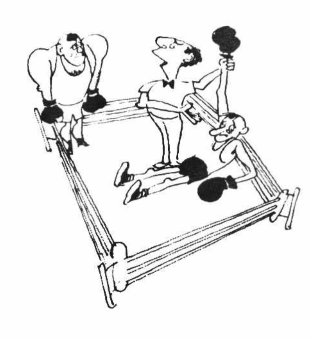
Но главный противник Мохаммеда Али, которого он не может победить ни силой своих ударов, ни скоростью передвижения, находится не на ринге.

Где-то, как ожидают, в конце года Верховным судом США может быть вынесено окончательное решение по поводу апелляции Мохаммеда Али, как известно, приговоренного к тюремному заключению за отказ служить в американской армии и участвовать в войне во Вьетнаме.

От этого решения будет зависеть ответ на вопрос: может ли вернуться чемпион?

Нью-Йорк. Через АПН по телетайпу.

Р. БИКЧЕНТАЕВ



Интеллектуал

Я лежал на полу ринга и ничего хорошего в этом не видел.

— Раз! — сказал рефери.

— Не спеши, куда торопишься? — взмолился я.

— Так положено, никуда не денешься. Два!

— Сын у тебя есть?

— Есть,— буркнул рефери.— Три!

— Представь себе, что я твой сын,— простонал я.

— Четыре! — не очень уверенно произнес рефери.

— И вот твой сын лежит на пыльном полу ринга с разбитой челюстью и с тоской в глазах...

— П-я-пять! — прошептал рефери.

— Он лежит и думает о своих бедных родителях, которые вырастили его и вынянчили, и горючие слезы набегают на его нокаутированное чело!..

— Шесть! — зарыдал рефери.

— Пять тысяч зрителей рычат и аплодируют жестокому победителю, который, поигрывая мускулатурой, посматривает на свою жертву.

— Семь! — сквозь зубы сказал рефери и с ненавистью глянул на моего соперника.

— А поздно вечером, когда потухнут огни Дворца спорта, несчастный отец обнимет потрясенного сына и...

— Ты победил! — закричал рефери и поднял меня с пола.

Когда я пожимал перчатку своему побежденному сопернику, я сказал ему на ухо:

— Интеллектом надо брать, а не силой. Понял?

А ведь сначала крикнул!..

Дело было после обеда. Во дворе гражданина Архимедова кто-то громко и визгливо крикнул: «Эврика!»

Через несколько секунд в калитку Архимедовых влетел решительный и заспанный мужчина. Увидев хозяина, вычерчивающего

ЮМОРЕСКИ

большим пальцем босых ног какие-то линии, мужчина рявкнул:

— Эй ты! Кто тут сказал «Эврика!»?

— А в чем дело? — рассеянно спросил хозяин.

— А в том, что этот крик разбудил меня. Я имею право на отдых и поэтому запрещаю тут кричать.

— Простите, но я сделал величайшее открытие и поэтому не удержался от радости!

— В следующий раз удержишься,— хрипло пообещал сосед.— В следующий раз я закручу маг с усилителем на всю катушку,— как миленький удержишься.

— Я постараюсь,— испуганно согласился ученый гражданин Архимедов.

Через некоторое время к товарищу Архимедову примчался репортер местной газеты, чтобы первым рассказать миру об открытии. Под конец интервью он спросил:

— А правда ли, что вы воскликнули «Эврика!», когда открыли новый закон?

Ученый испуганно посмотрел через забор на соседнюю виллу и сказал:

— Что вы! Что вы! Эти слова мне незаслуженно приписывают!

Репортер так и написал. Поэтому историки и до сих пор считают, что Архимедов никогда не кричал «Эврика!».

Быть самим собой

У нее была прическа, как у Беаты Тышкевич. Глаза, как у Мерилин Монро. Походка слизана у Брижит Бардо. Она курила так же элегантно, как и Софи Лорен.

Он был тоже будь здоров. Длинные волосы закрывали мужественный ковбойский лоб а-ля биттлз. Его джинсы могли свободно соперничать с джинсами Грегори Пека. Он открывал бутылки с лимонадом так же лихо, как Лимонадный Джо. Он мог скакать и стрелять лучше любого из «Великолепной семерки». Только ни разу не делал этого по причине отсутствия скакуна и кольта.

Такие замечательные молодые люди не могли не познакомиться. Они были представлены друг другу на вступительных экзаменах в институт. И надо сказать (к сожалению многих противников новой моды), что оба блестяще сдали экзамены и были зачислены на первый курс.

Их сразу же отправили на уборку картошки в дальний, не охваченный телевидением район. На вокзале она, критически оглядев его статную фигуру, зашнурованную в телогрейку и сапоги, тихо сказала:

— Я давно думаю: чего тебе не хватает? И только сейчас поняла: элегантности Марчелло Мастроянни.

Молодой человек обиделся и грубо ответил:

— А тебе изящества Одри Хепберн.

Ибо на ней были те же тривиальные телогрейка и сапоги.

Так поссорились замечательные молодые люди. И все потому, что не были самими собой.

Я спешу, извините меня

В очереди стояло человек шесть. Виктор Спиридонович подошел к последнему и шепнул на ухо:

— Вы знаете, у меня поезд отходит через полчаса. Пропустите меня вперед!

Шестой понимающе кивнул, и Виктор Спиридонович наклонился к старушке, которая была пятой:

— Бабуленька! У меня жена родила мальчика, вот хотелось бы отнести подарок. А прием через полчаса заканчивается!

Старушка сочувственно кивнула, и Виктор Спиридонович продвинулся еще на шаг.

Следующим препятствием был молодой человек, читающий газету.

— Физкультпривет,— жарко зашептал Виктор Спиридонович,— пропусти, детка, мастера спорта и бывшего чемпиона.

Молодой человек критически оглядел его, но пропустил.

Военному, который терпеливо стоял вторым, он заявил, что он бывший фронтовик и чуть ли не герой, а девушке — что торопится на гастроли в Сочи.

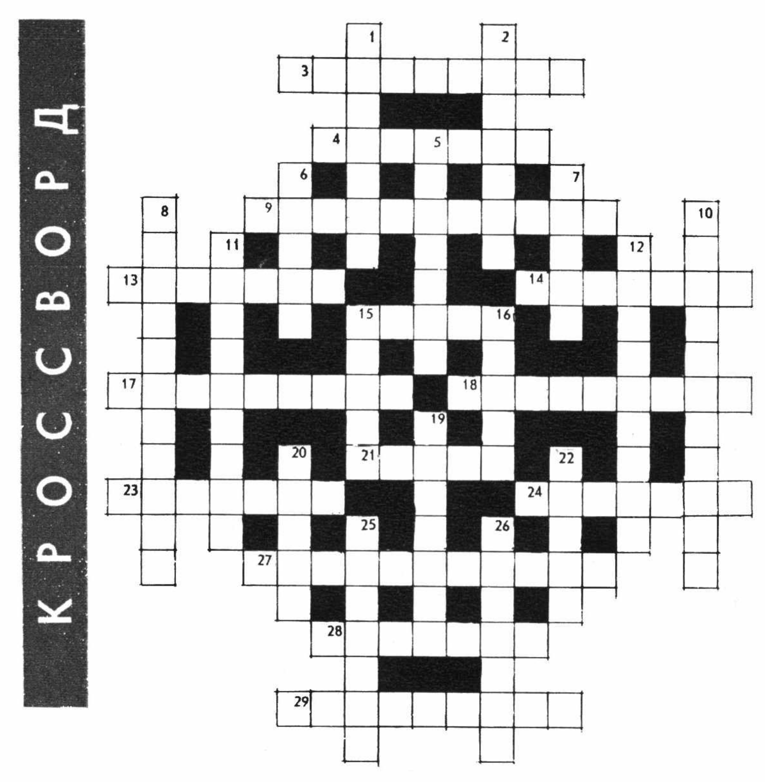
Итак, через пять минут Виктор Спиридонович уже стоял перед продавщицей.

— Что вам? — спросила та.

— Килограмм персиков.

— Персики разгружают, так что подождите минут двадцать.

— Я подожду, спешить мне некуда,— согласился Виктор Спиридонович.



По горизонтали: 3. Государство в Центральной Америке. 4. Душистое вещество, употребляемое в кулинарии. 9. Итальянский композитор. 13. Химический элемент. 14. Наиболее яркая звезда в созвездии Возничего. 15. Произведение М. Ю. Лермонтова. 17. Пятая ступень гаммы. 18. Лечебно-профилактическое учреждение. 21. Изображение земной поверхности на плоскости. 23. Воинское звание. 24. Предприятие пищевой промышленности. 27. Морская птица. 28. Легкая быстроходная шлюпка. 29. Верхний полуэтаж дома.

По вертикали: 1. Роман Э. Золя. 2. Медицинский работник. 5. Река в Бирме. 6. Хлопчатобумажная ткань. 7. Минерал, драгоценный камень. 8. Город в Туркмении. 10. Передача изображений на расстояние. 11. Автор первого русского печатного курса математики. 12. Аппарат, в котором поддерживается постоянная температура. 15. Оборот спирали. 16. Опера-балет Н. А. Римского-Корсакова. 19. Русский художник. 20. Гора на Северном Кавказе. 22. Серо-коричневая краска. 25. Полугодие в высших учебных заведениях. 26. Гриб.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали: 4. Настурция. 6. Серпантин. 8. Кусачки. 12. Колонна. 14. Реторта. 15. Танкер. 17. Квинта. 18. Тунис. 19. Автол. 22. Январь. 23. Станок. 24. «Перекоп». 26. Дебюсси. 27. Ямагата. 29. Консонанс. 30. Констанца.

По вертикали: 1. Кашемир. 2. Судак. 3. «Кирилка». 5. Гранка. 7. Янонис. 9. Уравнение. 10. Атмосфера. 11. Прибаутка. 13. Натюрморт. 16. Ртуть. 17. Кросс. 20. Жалюзи. 21. Салгир. 24. Пирогов. 25. Пятница. 28. Кофта.

На первой странице обложки: М. Божий. НОВОЕ ВРЕМЯ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

На последней странице обложки: Москва праздничная.

Фото Дм. Бальтерманца.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото—253-39-04; Оформления—253-38-36; Писем—253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 20/X-70 г. А 00486. Подп. к печ. 4/XI-70 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2023. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2894.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

ЗА
МИР
И
БЕЗОПАСНОСТЬ
НАРОДОВ
КЛЕВЕТА
КЛЕВЕТА
АНТИСОВЕТСКИЕ ВЫМЫСЛЫ
КЛЕВЕТА

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.